

An illustration in a dark, high-contrast style. A man in a dark jacket and goggles is shouting at a woman in a dark dress. The background features a traditional Japanese lattice structure and a circular emblem with a red character. The overall tone is dramatic and intense.

不気味な日本国 恐怖

ПРИЗРАКИ
И ДУХИ
СТАРОЙ ЯПОНИИ

Annotation

Вера в привидения, демонов и духов уходит глубоко корнями в историю японского фольклора. Она переплетается с мифологией и суевериями, взятыми из японского синтоизма, а также буддизма и даосизма, привнесенного в Японию из Китая и Индии. Истории и легенды в сочетании с мифологией собирались на протяжении многих лет различными культурами мира, как прошлого, так и настоящего. Фольклор развивался для объяснения или рационализации различных природных явлений. Необъяснимые явления природы, которых в Японии предостаточно (взять хотя бы те же землетрясения и цунами, которые отравляют жизнь японцам и в наши дни) всегда вызывали страх у человека, поскольку их невозможно было предугадать или проникнуть в суть их происхождения. В книге видного американского востоковеда собраны наиболее примечательные легенды и сказания японского народа.

- [Лафкадио Хёрн](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 -
 - [Кости](#)
 - [Фурикодэ](#)
 - [Благовоние](#)
 - [История одного гадания](#)
 - [Шелкопряды](#)
 - [Страстная карма](#)
 - [Демоны и духи в японской традиции\[48\]](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
-

Лафкадио Хёрн
В призрачной Японии
Привидения, демоны и духи в японской
традиции

© Моргун Л.И. Перевод с английского, примечания, 2016.

* * *

Предисловие

Вера в привидения, демонов и духов уходит глубоко корнями в историю японского фольклора. Она переплетается с мифологией и суевериями, взятыми из японского синтоизма, а также буддизма и даосизма, привнесенного в Японию из Китая и Индии. Истории и легенды в сочетании с мифологией собирались на протяжении многих лет различными культурами мира, как прошлого, так и настоящего. Фольклор развивался для объяснения или рационализации различных природных явлений. Необъяснимые явления природы, которых в Японии предостаточно (взять хотя бы те же землетрясения и цунами, которые отравляют жизнь японцам и в наши дни) всегда вызывали страх у человека, поскольку их невозможно было предугадать или проникнуть в суть их происхождения.

Тайна смерти явление, которое не находит рационального объяснения в различных мировых культурах. Смерть всегда вторгается в жизнь человека внезапно. Смерть изменение, переход из одного состояния в другое, воссоединение тела с землёй, союз души и духа. Люди на протяжении веков редко могли понять или поверить в то, что смерть это конец. Поэтому сказания и легенды строились вокруг духов умерших.

Японцы верят, что они окружены духами всё время. Согласно японской религии синто, после смерти человек становится духом, иногда божеством. Полагают, что на небесах и на земле живут восемь миллионов богов это горы, леса, моря и самый воздух, который мы вдыхаем. Традиции Японии говорят нам, что эти божества имеют две души: одну слабую (ниги-ти-тама), а другую сильную (ара-ми-тама).

Буддизм, введенный в Японию в VI веке н. э., расширил масштаб верований в духов и другие сверхъестественные силы. Буддистское верование в мир живых, мир мёртвых и «Чистую Землю Будды» (Йодо) приобрело новое значение. Образ поведения человека в течение всей продолжи жизни определял, куда он отправится: в царство мёртвых или в «Чистую Землю». Те, кто отправляются в преисподнюю, считают это место адом во всей своей отвратительности.

Японцы полагают, что после смерти дух преисполнен гнева и нечист. Многие ритуалы исполняются в течение семи лет для очищения и успокоения души. Таким образом, человек становится духом. Согласно легенде, дух блуждает между землей живых и царством теней. Поэтому молитвы предлагаются для обеспечения перехода в Землю Мёртвых.

Если душа мёртвого не очищена, она может вернуться на землю живых в облике привидения. Также если умерший при помощи молитвы не очищен от личных эмоций, таких как ревность, зависть или гнев, дух умершего может возвратиться в виде привидения. Привидение является в то место, где раньше жил человек, и преследует ответственных за свою горькую судьбу. Привидение будет являться до тех пор, пока оно не будет освобождено от страдания при содействии живого человека, который должен молиться за то, чтобы душа умершего вознеслась на небеса.

В течение эры Хейян (794-1185 гг.) полагали, что духи умерших витали над живыми, вызывая у них болезни, мор и голод. В эру Камакура (1185-1333) это верование трансформировалось – полагали, что духи превращались в небольших животных, таких как еноты и лисы, которые сбивали людей с праведного пути. Предметы домашнего обихода, прослужившие более ста лет, могли бы стать божествами в период Муромачи (1336-1573). Считалось, что эта древняя утварь обладает особыми свойствами поэтому с нию обращались с заботой и уважением. А в периоды Момояма (1573-1600) и Эдо (1603–1868) считалось, что если человек умер от болезни или во время эпидемии, то он превращается в ужасного демона.

Деспотический феодальный режим, превалировавший в течение периода Эдо (1603–1867), в сочетании с природными катаклизмами, происходившими в то время, послужил появлению новых легенд о злых и мстительных духах и привидениях. В конце эры Эдо принимались указы, запрещающие показ театральных представлений с пугающими привидениями из-за страха подрыва авторитета правительства.

В основном персонажами легенд о неуспокоившихся душах были женщины. Это были мстительные духи; и чем больше страданий женщина претерпела в течение своей жизни, тем более угрожающим был её дух после её смерти.

Жестокость по отношению к женщинам

– повторяющаяся тема в японских преданиях и легендах.

Истории про привидений в начале 1700-х ставили в различных театрах, в том числе в театре Сумизу в Осака, в театре Накамура-за в Эдо, а также на сценах кукольных театров.

В конце XVIII века мстительные духи стали центральной темой в театре Кабуки. Убийства ставили на сцене со всеми вопиющими деталями и женские духи изображались весьма отчётливо. Сцены насилия и кровопролития были довольно шокирующими и были направлены на то, чтобы вызвать у зрителя подозрение и страх. К удивлению, эти пьесы были достаточно популярными и художники декораций репродуцировали множество сцен из подобных спектаклей Кабуки. Пример такой темы в одной из пьес, поставленных в театре Кабуки, называемой «Скала, которая плачет ночью».

«В Токайдо, на дороге между Токио и Киото, есть знаменитая скала, известная как «Скала, которая плачет ночью». Предание рассказывает о беременной женщине, путешествующей по этой дороге ночью, чтобы встретить своего мужа. К ней пристали бандиты и она была зверски убита. Её кровь пролилась на скалу, которая стала место обитания её духа. По легенде скала плачет по ночам».

Эта и ей подобные истории привлекли внимание американского специалиста по поэзии хайку Лефкадио Херна (Lafcadio Heam), который посвятил японскому фольклору одну из самых поэтических своих работ. Лефкадио Херн (1850–1904 гг.) родился на греческом острове Лефкасе от матери-гречанки и отца – британского офицера, военного хирурга. В 19 лет оставшись один после развода родителей, Херн переезжает в США и поселяется в Цинцинатти, шт. Огайо. Он начинает свою творческую деятельность в роли газетного репортера. В 1877 г. Херн отправляется в Новый Орлеан, чтобы написать ряд статей, и остается там на протяжении десяти лет. Добившись некоторого успеха в области литературного перевода и других работ, он по заданию издательства «Харпер Пабблишинг» отправился в Вест-Индию, где и написал два романа на темы Востока.

В 1889 г Л. Херн переезжает в Японию, и по прибытию в Йокогаму весной 1890 г., поступает в Императорский университет Токио. При поддержке чиновников Министерстве просвещения летом 1890 г. Херн устроился преподавателем английского языка в училище в префектуре Шимане. Там он тесно сблизился с семьей губернатора Котеду Ясусада.

Позже он женился на Сетзу Койдзуми (Setsu Koizumi), дочери местной семьи самурая и даже взял себе японское имя – Якумо Койзуми (Yakumo Koizumi).

В 1894 г. он закончил свою книгу «Проблески Незнакомой Японии» (Glimpses of Unfamiliar Japan) и поступил преподавателем английской литературы в Токийском императорском университете.

Этот пост он занимал до 1903 г., когда перешел в университет Васеда. 26 сентября 1904, Лафкадио Херн умер от остановки сердца в возрасте 54 лет.

Самая известная работа Херна – собрание лекций под названием «Япония: Попытка интерпретации» (1904).

Его другие книги по Японии включают «Экзотики» (Exotics) и «Ретроспективы» (Retrospectives) (1898), «В Призрачной Японии» (1899), «Крылья теней» (Shadowing)s (1900), японский «Сборник» (1901), и «Квайдан» (Kwaidan – 1904).

Кости

К заходу солнца они подошли к подножью горы. Здесь не было никаких признаков жизни, – ни следов воды, ни следов растений, ни тени пролетающей птицы, – ничего кроме бескрайнего запустения. А вершина горы терялась где-то в небесах.

Тогда Бодхисаттва сказал своему юному попутчику: – «То, что ты хотел увидеть, тебе будет показано. Но место, где это произойдет, далеко, а путь полон препятствий. Следуй за мной и ничего не бойся: да пребудет с тобою сила».

Их путь наверх был окутан сумраком. Протоптанной тропинки не было, как и не было следов какого-либо пребывания человека; и путь лежал через бесконечные нагромождения сваленных в кучу костей, которые перекатывались под ногами. Иногда комки разрыхленной земли с грохотом сваливались вниз с гулким эхом; – иногда смятая под ногами земля рассыпалась как пустая скорлупа... Звёзды светили ярче и будоражили чувства; а мрак сгущался.

«Не бойся, сын мой, говорил Бодхисаттва, идя впереди: – путь безопасен, хотя и суров».

Они взбирались на гору под звёздами, – быстрее, быстрее, – в этом им помогали сверхчеловеческая сила. Они проходили высокие зоны тумана; и по мере своего продвижения наверх наблюдали под собой безмолвный поток облаков, похожий на течение молочного моря.

Они взбирались по горе час за часом; – и попадавшие на пути невидимые преграды давали о себе знать, когда раздавался тихий мягкий хруст; – и едва заметные холодные огни освещали их путь и меркли при каждом таком движении.

А когда юный путник взял в руку что-то гладкое, но не камень, – и поднял это, – в едва различимом сумраке он разглядел череп – нахальную насмешку смерти.

«Не задерживайся здесь, сын мой! – предупредил голос учителя, – Вершина, на которую мы должны забраться, – очень далеко!»

Они пробирались сквозь тьму и чувствовали постоянно под собой тихий странный хруст и видели, как ледяные огни извиваются и умирают,

– пока край ночи не стал серым, а звёзды не начали угасать, и восток не начал заниматься.

Но они продолжали восхождение наверх, – быстрее, быстрее, – и в этом им помогала сверхчеловеческая сила. Их сейчас окутывал холод смерти, – и огромное безмолвие. Золотое пламя занималось на востоке.

Затем впервые взору путника открылась нагота крутых обрывов; – и им овладели трепет и смертельный ужас. Так как нигде не было земли,

– ни под ним, ни рядом с ним, ни над ним, – только лишь груда, чудовищная и безмерная, черепов и осколков черепов и праха костей, – с мерцанием выпавших зубов, как мерцание обломков скалы в разрушении прилива.

«Не бойся, сын мой! – прокричал Бодхисаттва; – только те, кто силён духом, могут попасть в место Видения!»

За ними мир исчез. Не осталось ничего, кроме облаков под ними и неба над ними и груды черепов между ними – которые терялись из виду в вышине.

Затем солнце вошло с теми, кто покорял вершину; и не было никакого тепла в его лучах, а только лишь холод, острый как меч. И страх огромной высоты, и кошмар изумляющей глубины, и ужас безмолвия, разрастался всё больше и больше и спустился на путника и отяготил его, сковал ноги, – так что внезапно все силы покинули его и он застонал как спящий во сне.

«Быстрее, поторопись, сын мой! – закричал Бодхисаттва: – день короток, а вершина очень далеко отсюда».

Но странник пронзительно закричал: «Мне страшно! Мне несказанно страшно!» – и силы покинули меня!»

«Сила вернется, мой сын!» – ответил Бодхисаттва... «Взгляни-ка на то, что под тобой и над тобой и вокруг тебя и скажи мне, что ты видишь».

«Я не могу, – закричал пилигрим, дрожа и цепляясь: – Я боюсь взглянуть вниз! Передо мной и вокруг меня нет ничего, кроме людских костей».

«Но всё же, сын мой, – сказал Бодхисаттва, заливаясь мягким смехом, – всё же ты не знаешь, из чего сделана эта гора».

Юный пилигрим ещё раз произнес, содрогаясь: – «Мне страшно! Мне несказанно страшно!.. Здесь нет ничего, кроме черепов!»

«Это гора и есть гора черепов!», – ответил Бодхисаттва. «Но знай, сын мой, что все они ТВОИ СОБСТВЕННЫЕ! Каждый в какое-то время был вместилищем твоих мечтаний и иллюзий, твоих желаний. Среди них нет ни одного, который принадлежал бы какому-то иному существу. Все они – все без исключения, – были твоими в миллиардах твоих предыдущих жизней».

Фурисодэ

Недавно, проходя по небольшой улочке, занятой в основном продавцами старинной посуды, я обратил внимание на фурисодэ, или платье с развевающимися рукавами, насыщенного пурпурного оттенка, называемого мурасаки, висящего перед одним из магазинов. Подобное платье могла бы носить дама высокого положения во времена Токугава^[1]. Я остановился и посмотрел на пять фестончиков на нём; и в тот же момент в моей памяти всплыла легенда о подобном платье, которое, согласно преданиям, однажды послужило причиной разрушения города Йеддо^[2].

Почти двести пятьдесят лет назад дочь богатого купца из города Сёгуна, на одном религиозном празднике увидела в толпе юного самурая необычайной красоты и сразу же влюбилась в него. К сожалению, он исчез в толпе, прежде чем она через своих слуг узнала, кто он был и откуда. Но его образ запал ей в душу вплоть до мельчайших деталей его костюма. Праздничные одеяния, носимые тогда юношами-самураями, едва ли уступали по своему великолепию нарядам юных девушек; и верхнее платье этого прекрасного незнакомца казалось чрезвычайно красивым очарованной девушке. Она подумала, что, надев платье такого же качества и цвета, с такими же фестонами, она сможет привлечь его внимание в следующий раз.

Конечно, она заказала сшить себе такое платье с очень длинными рукавами, по моде того времени и щедро вознаградила портного. С тех пор она носила его всегда, когда выходила из дома; а дома она вешала его в своей комнате и пыталась представить в нём своего незнакомца возлюбленного. Иногда она часами стояла перед ним – то мечтая, то проливая слёзы. И еще она обращалась к богам и Буддам с молитвами о том, чтобы завоевать любовь молодого человека часто повторяя молитву секты Нитирэн^[3]: «Наму мёхо ренге кё!»^[4]

Но больше она никогда так и не видела юношу; и зачахла она от тоски по нему, заболела, умерла и её похоронили. После похорон платье ее с развевающимися рукавами, за которое она так щедро заплатила, было даровано буддистскому храму, который посещала её

семья. В те времена была жива еще древняя традиция – таким образом избавляться от одеяний умерших людей.

Священник смог продать платье по хорошей цене; так как оно было сделано из дорогого шёлка и на нём не было видно следов слёз, которые покойная красавица роняла на него. Оно было куплено девушкой примерно того же возраста, что и умершая дама. Но проносила она его всего лишь один день. Потом бедняжка заболела и начала как-то странно себя вести кричала, что её преследует видение красивого юноши и что за его любовь она умрёт. А затем... через некоторое время и она умерла; и платье с развевающимися рукавами было передано в храм во второй раз.

И снова священник продал его; и вновь его купила юная девушка, которая нарядилась в него лишь раз. Затем и она заболела и рассказывала окружающим о прекрасной тени, а потом и она умерла и её похоронили. И платье в третий раз было передано в храм; но тогда уже священник удивился и у него появились сомнения.

Тем не менее он рискнул продать злополучное платье ещё раз. И снова оно было куплено девушкой и снова надето; и владелица платья заболела чахоткой и умерла. И платье было передано в храм в четвёртый раз.

Тогда священник пришёл в полную уверенность, что в дело вступили злые силы; и приказал своим служителям развести костёр во дворе храма и сжечь злосчастное платье.

Те повиновались, развели костёр и бросили в него платье. Но когда загорелся шёлк, внезапно в языках пламени появились слова молитвы – «Наму мё хо ренге кё!»; – и они, один за другим, подобно искрам взмыли к крыше храма; и храм охватил пожар.

Угольки от горящего храма сразу же перекинулись на соседние крыши; и вся улица вскоре оказалась в огне. Затем поднявшийся с моря ветер перенёс разрушения на следующие улицы; и пламя распространилось от улицы к улице и от района к району, пока пожаром не был охвачен почти весь город. Это ужасное бедствие произошло на восемнадцатый день первого месяца первого года Мейреки (1655 год), и его до сих пор помнят в Токио как Пожар Фурисодэ «Великий Пожар Платья с Развевающимися Рукавами».

Согласно книге легенд, называемой «КибунДайджин» (Kibun-Daijin), имя девушки, которая заказала сшить себе платье, было О-

Саме; она была дочерью Хикойэмона, торговца винами из Хяакушомаша, что в районе Азабу. Из-за своей красоты её также называли Азабу-Комачи, или Комачи из Азабу^[5]. (1). Та же книга легенд гласит, что храм, о котором говорится в легенде, был храмом Нитирена, называемым Хон-майоджи, в районе Хонго; и что фестон на платье был цветок *кикиё* («китайский колокольчик»). Но существует множество различных версий этой легенды; и лично я не доверяю «Кибун-Дайджин», так как она утверждает, что прекрасный самурай был на самом деле вовсе не человеком, а перевоплотившимся драконом или водным змеем, который жил в озере Уйено-Шинобазуно-Ике.

Благовоние

I

Я вижу, как из темноты возвышается лотос в вазе. Большая часть вазы невидима, но я знаю, что она бронзовая и что её блестящие ручки сделаны в виде драконов. Только лотос полностью освещён: три чисто белых цветка и пять больших золотых и зеленых листьев; золотые – наверху, зеленые на заворачивающейся нижней поверхности; искусственный лотос. Он купается в ниспадающем потоке солнечного света темнота под ним и за пределами света сумерки ниши храма. Я не вижу отверстия, через которое проникает свет, но знаю, что это небольшое окно, по форме и контуру напоминающее храмовый колокол.

Причина, по которой я вижу лотос одно воспоминание о моём первом посещении алтарной части буддистского храма до меня дошёл запах ладана. Часто, когда я чувствую запах ладана, я вижу лотос; и, как правило, сразу после того другие воспоминания о моём первом дне в Японии восстают в быстром порядке с почти болезненной пронзительностью.

Он почти везде этот запах ладана. Он представляет собой один элемент слабого, но сложного и незабываемого запаха Дальнего Востока. Его можно почувствовать в жилом помещении не реже, чем в храме в доме крестьянина не реже, чем в императорском яшики^[6].

На самом деле в синтоистских храмах его нет – ладан противен старшим богам. Но там, где живут буддисты, есть запах ладана. В каждом доме, в котором есть буддистский алтарь или буддистские дощечки, ладан курят в определенное время; и даже в самых отдалённых заброшенных деревнях можно обнаружить горение ладана перед образами на обочине дорог небольшие каменные фигурки Фудо^[7], Джизо^[8] или Кваннон^[9]. Многие памятные впечатления от путешествия странные впечатления слуха и зрения остаются связанными в моей памяти с этим запахом: широкие тихие тенистые аллеи, ведущие к странным старинным алтарям; лестницы с

покрытыми мхом полуразрушенными ступенями, восходящие к храмам, возвышаются над облаками; – радостный переполох праздничных ночей; – похоронные процессии под навесами, скользящие мимо в свете фонарей; бормотание домашней молитвы в домике рыбака на далёких диких побережьях; – и виды заброшенных небольших могил, отмеченные только лишь нитями голубого дыма, поднимающегося кверху места захоронения домашних животных или птиц, о которых помнят простые сердца в час молитвы Амиду, Повелителю Безграничного Света^[10].

Но запах, о котором я говорю, – это запах лишь дешёвого ладана ладана общего использования. Существует множество других видов ладана; и разнообразие по качеству удивляет. Несколько обычных ароматических палочек (их толщина примерно равна толщине обычного карандашного грифеля или немного длиннее) – можно приобрести за несколько сен; в то время как набор палочек лучшего качества, выставляемых на обозрение неопытному покупателю, отличающихся в небольшой степени по цвету, могут стоить несколько иен и быть дешевыми по цене. Тем не менее более дорогие сорта ароматических палочек – истинная роскошь бывают в форме леденцов, вафель, пастилы; и небольшой конверт из такого материала может стоить четыре или пять фунтов-стерлингов. Но коммерческие и производственные вопросы, касающиеся ладана из Японии, представляют собой наименее интересную часть удивительно любопытного предмета.

II

Странно, но факт, что по этой причине разнообразие традиций и деталей огромно. Я боюсь даже подумать о размере объёма, который необходим, чтобы покрыть его. Такая работа должна начаться с небольшого обзора самого раннего знания и использования ароматических веществ в Японии. Далее я обращусь к записям и легендам о первом появлении буддистского аромата из Кореи – когда король Шомио из Кудара, в 551 году до н. э. послал в империю, располагающуюся на острове, коллекцию сутр, изображение Будды и один полный комплект мебели для храма. Затем необходимо сказать

кое-что о тех классификациях ароматов, которые были сделаны в течение X века в периоды Энги и Тенряки и по поводу доклада древнего государственного советника, Кимитака-Санги, который посетил Китай в последней части XIII века и передал императору Йомею мудрость китайцев в отношении ладана. Также следует упомянуть об использовании древних ароматов, которая до сих пор сохранена в различных японских храмах, и о знаменитых фрагментах ранджатай^[11] (публично выставленных в Нара в десятом году эры Мейдзи^[12]), который делал поставки трём великим капитанам: Нобунага, Хидейоши и Ийеяцу. После этого должен последовать обзор истории смешанных ароматов, произведенных в Японии, – с заметками о классификациях, изобретенных роскошным Такаюджи и о номенклатуре, установленной позже Ашикага Йошимаса, который собрал сто тридцать видов ароматов и придумал для наиболее ценных из них названия, признанные и до сей день такие как «Ливень из цветов», «Дым горы Фуджи» и «Цветок Чистого Закона».

Следует привести подобным образом примеры традиций, принадлежащих историческим ароматам, сохраненным в некоторых королевских семьях, наряду с примерами тех переходящих из поколения в поколение рецептов по изготовлению аромата, которые были преобразованы в течение жизни нескольких поколений на протяжении сотен лет и всё ещё называются по имени их достопочтимых изобретателей как «Метод ХинаДаинагон», «Метод Сенто-Ин» и т. д. Также следует предоставить рецепты тех странных ароматов, сделанных «для имитации запаха лотоса, запаха летнего бриза и запаха осеннего ветра».

Следует вспомнить некоторые легенды великого периода роскоши ароматов таких как легенда о Сью Овари-но-Ками, который построил для себя дворец из ароматических деревьев и поджёг его в ночь своего восстания, когда дым от пожара наполнил землю ароматом, распространившимся на двенадцать миль.

Конечно, простая компиляция материалов для создания истории смешанных ароматов повлекла изучение ряда документов, договоров и книг в особенности таких странных работ как Кун-Шу-Руи-Шо или «Руководство по классификации коллекционера ароматов», содержащее учения Десяти Школ Искусства Смешивания Ароматов; направления лучших сезонов приготовления аромата; инструкции по

«различным видам огня», которые должны быть использованы для поджигания аромата (один вид называется «литературный пожар», а другой «военный пожар»); вместе с правилами набивки пепла курильницы в различные художественные формы, соответствующие сезону и случаю. Особая глава, несомненно, должна быть посвящена ароматическим мешочкам (кусадама), подвешиваемым в домах для отпугивания домовых и ароматическим мешочкам меньшего размера, которые носят в качестве защиты против злых духов.

Затем очень большая часть работы должна быть посвящена религиозному использованию и легендам об ароматах огромная тема сама по себе. Также следует рассмотреть любопытную историю о старых «сборах ароматов», детально разработанная церемония которых могла бы быть объяснена только при помощи разнообразных схем.

По крайней мере одна глава потребуется на обсуждение темы древнего импорта ароматических веществ из Индии, Китая, Аннама, Сиама, Камбоджи, Цейлона, Суматры, Явы, Борнео и различных островов малазийского архипелага все эти места упоминаются в редких книгах об ароматах. И последняя глава должна рассказывать о романтической литературе об ароматах поэмах, рассказах, драмах, в которых упоминаются ритуалы использования ароматических веществ; и особенно те песни о любви, которые сравнивают тело с ароматом, а страсть со всепожирающим пламенем:

Ровно горит аромат,
дарящий твоему платью свой запах,
Глеет моя жизнь, поглощённая болью тоски!

Самое краткое описание предмета уже внушает ужас! Я попытаюсь сделать всего несколько заметок о религиозном и духовном использовании ароматов благовоний, их использовании в целях роскоши.

Самое распространенное благовоние, возжигаемое повсеместно бедными перед буддистскими иконами, называется соку-ко. Оно очень дешёвое. Большие его количества сжигаются пилигримами в бронзовых курильницах, установленных перед входом в известные храмы; вы можете увидеть их скопления и перед образами на обочине.

Они выставлены для использования благочестивыми путниками, которые останавливаются перед каждым буддистским изображением на их пути, чтобы повторить краткую молитву и, когда возможно, поставить несколько дымящихся палочек у подножья статуи. Но в богатых храмах и в течение крупных религиозных церемоний используется гораздо более дорогой аромат.

В общей сложности в буддистских ритуалах используется три вида ароматов: *ко*, или собственно ладан, во множестве вариаций (слово буквально означает только «ароматическое вещество»); *дзуко*, душистая мазь; и *макко*, ароматический порошок. *Ко* сжигается; *дзуко* втирается в руки священника как очищающая мазь; и *макко* разбрызгивается по храму. Считается, что *макко* схож с порошком сандалового дерева, так часто упоминаемым в буддистских текстах. Но это не только настоящее благовоние, которое, можно сказать, играет важную роль при проведении религиозной службы.

«Благовоние, – говорит Соши-Ряку^[13], передаёт Серьёзное Желание. Когда богач Судатта пожелал пригласить Будду на трапезу, он использовал благовония. Он имел обыкновение взбираться на крышу своего дома накануне дня празднования и оставался там всю ночь, держа курильницу с дорогим благовонием. И каждый раз, когда он делал это, Будда всегда появлялся на следующий день точно в требуемое время».

Этот текст открыто выражает, что благовоние как приношение символизирует благочестивые желания праведников. Но оно символизирует также другие вещи; и оно привнесло множество замечательных сравнений в буддистскую литературу. Некоторые из них, но не менее всего интересные, появляются в молитвах, из которых следующая из книги, называемой Ходжи-сан^[14], – является выдающимся примером: -

– «Пусть моё тело остаётся чистым, как курильница! пусть мои мысли будут всегда обожжены чистым огнём мудрости, сжигающим

аромат шила и дхьяна^[15], так чтобы я мог отдать почтение всем Буддам в Десяти Направлениях Прошлого, Настоящего и Будущего!»

Иногда в буддистских проповедях освобождение от кармы доблестными делами приравнивается к сжиганию аромата чистым огнём иногда снова жизнь человека сравнивается с дымом благовония. В своей «Сотне Записей» (Хяаку-тсукири-ками), священник Шиншу Мойден говорит, цитируя буддистскую работу «Куйиккайо, или Девяносто Предметов»:

«Сжигая ладан, мы видим, что пока остаётся какой-либо аромат, до тех пор продолжается горение и дым взвивается в небо. Теперь дыхание нашего тела эта непостоянная комбинация Земли, Воды, Воздуха и Огня подобно тому дыму. И превращение ароматической палочки в холодный пепел при исчезновении пламени символ превращения нашего тела в пепел, когда оно сжигается в погребальном костре».

Он также говорит нам о Рае благовоний, о котором следует напомнить каждому верующему запахом земного аромата:

«В тридцать втором Обете Достижения Рая Невиданного Благоухания, – по его словам, – написано: «Такой Рай создаётся из сотен тысяч различных видов ароматов и из веществ бесконечно драгоценных; – их красота несравненно превосходит что-либо на небесах или там, где живёт человек; – его аромат наполняет все миры Десяти Направлений Космоса; и все, кто чувствует этот запах, практикуют религию Будды». В древние времена жили люди высшей мудрости и достоинства, которые силой своей молитвы получили способность воспринимать аромат, но мы, рождённые с низшей мудростью и достоинством в более поздний период, не можем получить такую способность. Тем не менее, для нас хорошо, когда мы вдыхаем благовоние, зажигаемое перед образом Амиды, чтобы представить, что этот запах прекрасный аромат Рая и чтобы повторить нембуцу^[16] в благодарность за милость Будды».

Но использование благовоний в Японии не ограничивается религиозными ритуалами и церемониями: на самом деле более дорогие виды благовоний производятся в основном для использования на званых приёмах. Курение благовоний было развлечением аристократии ещё с XIII века. Возможно вы слышали о японских чайных церемониях и их любопытной буддистской истории; и я

полагаю, что каждый иностранный коллекционер японского антиквариата знает кое-что о роскоши таких церемоний на протяжении одного периода – роскоши, проверенной качеством прекрасных предметов утвари, которые были задействованы в них ранее.

Но существовали и существуют гораздо более сложные и дорогие церемонии с использованием благовоний а также гораздо более интересные. Предполагалось, что кроме музыки, вышивки, написания поэтических произведений и других видов старомодного женского образования, юная леди, жившая до периода Мейдзи, должна получить три навыка особо высокого воспитания – искусство составления букетов (икебана), искусство проведения чайной церемонии (ча-но-ю или ча-но-е^[17]), и этикет проведения званых вечеров с использованием благовоний (коквай или ко-е). Званые вечера с использованием благовоний были изобретены со времён сёгуна Асикага^[18] и были в большой моде во время мирного периода правления Токугава^[19].

С закатом сёгунатов они вышли из моды; но недавно были в некоторой степени возобновлены. Однако вряд ли они вновь станут действительно модными в старом смысле слова – частично потому, что они представляли редкие формы социальной изысканности, которая никогда не возродится, и частично из-за их дороговизны.

Переводя ко-кваи как «званный вечер с благовониями», я использую слово «вечер» в значении, в котором оно используется в таких сложных сочетаниях как «вечер за картами», «вечер за игрой в вист», «вечер за игрой в шахматы»; – так как ко-квай это встреча, проводимая только с объектом игры очень интересной игры. Существует несколько видов игры с использованием благовоний; но во всех них состязание зависит от способности помнить и называть различные виды ароматов только лишь по запаху. Вид ко-квай, названный Джитчу-ко («десять горящих благовоний»), как правило, признается самым удивительным; и я должен попытаться рассказать вам, как он действует.

Число «десять» в японском или скорее в китайском названии этого вида не означает десять видов, но только десять пачек благовоний; поскольку Джичу-ко, помимо того, что является самым удивительным, – самая простая из игр с использованием благовоний, которая проигрывается только с четырьмя видами ароматов.

Один вид должен быть предоставлен гостями, приглашенными на званый вечер; а три остальных предоставляются тем, кто организует праздник. Каждый из последних трёх видов ароматов – как правило, подготавливаются в пакетах, содержащих одну сотню пластин, разделены на четыре части; и каждая часть помещена в отдельный пакет, на котором проставлены числа или знаки для обозначения качества.

Таким образом, четыре пакета состоят из аромата, классифицируемого как Номер 1, четыре – аромата Номер 2 и четыре из аромата Номер 3

– или в общей сложности двенадцати ароматов.

Но аромат, предоставляемый гостями (обычно именуемый «гостевой аромат»), – не разделяется: он только лишь кладется в сверток, маркированный аббревиатурой из китайских иероглифов, обозначающих «гость».

Соответственно мы имеем в общей сложности для начала тринадцать пакетов; но три должны быть использованы в предварительном образце или «в эксперименте» – как их называют японцы – следующим образом.

Предположим, что игра организуется на шестерых хотя правила, ограничивающего число игроков, не существует. Шесть игроков выстраиваются в линию или полукругом если комната небольшая; но они не садятся близко друг к другу по причинам, которые вскоре станут понятны. Затем хозяин вечера или человек, назначенный для роли воскурителя благовония, подготавливает пакет благовоний Номер 1, зажигает их в курительнице, и передает курительницу гостю, занимающему первое место^[20], со словами: «Это благовоние Номер 1». Гость получает курительницу в соответствии с правилами этикета, требуемыми в ко-квай, вдыхает аромат и передаёт сосуд своему соседу, который получает его таким же образом и передаёт третьему гостю, который передаёт его четвертому и так далее. Когда курительница прошла один круг, она возвращается воскурителю благовония. Один пакет благовония Номер 2 и один Номер 3 таким же образом подготавливаются, объявляются и проверяются. Но с «гостевым благовонием» не делается никаких экспериментов. Игрок должен быть способен запомнить различные запахи тестируемых благовоний;

и предполагается, что он определит гостевой аромат в соответствующее время просто по незнакомому качеству аромата.

Первоначальное число в тринадцать пакетов в результате «экспериментирования» было убавлено до десяти, а каждый игрок получил один комплект из десяти небольших дощечек в основном золотой лакировки и каждый комплект по-разному украшен.

Украшены только лишь задние поверхности этих дощечек; и украшение почти всегда имеет цветочный дизайн определенного вида: – так один комплект мог бы быть украшен золотыми хризантемами, другой пучками растений ириса, ещё один веточкой цветов сливы и т. д. Но на лицевых сторонах дощечек имеются цифры или обозначения; и каждый комплект состоит из трёх дощечек под номером «1», трёх дощечек под номером «2», трёх дощечек под номером «3» и ещё одной дощечки, обозначенной символом, обозначающим «гость». После распространения этих комплектов дощечек, перед первым игроком помещается ящик, называемый «ящиком дощечек»; и всё готово для настоящей игры.

Воскуритель благовония уходит за небольшую ширму, перетасовывает плоские пакеты как колоду карт, снимает верхний, подготавливает его содержимое в курительнице и затем, возвращаясь к игрокам, посылает курительницу по кругу.

Сейчас он, конечно же, не объявляет, какой вид аромата он использовал. По мере того как курительница переходит из рук в руки, каждый игрок после вдыхания дыма благовония кладет в ящик с дощечками одну дощечку с обозначением или числом, которое он считает обозначением или числом аромата, который он вдохнул. Если, например, он думает, что этот аромат «гостевой аромат», он кидает в ящик ту дощечку, которая промаркирована иероглифом «гость»; или если он считает, что он вдохнул аромат Номер 2, он помещает в коробку дощечку под номером «2». По завершении раунда коробка с дощечками и курительница возвращаются к воскурителю благовоний. Он берет шесть дощечек из ящика и заворачивает их в бумагу, которая содержала угадываемый аромат. Сами дощечки хранят как личную, так и общую запись с тех пор как каждый игрок помнит особый рисунок на своем собственном комплекте.

Остальные девять пакетов ароматов используются и определяются таким же образом в случайном порядке, в котором они оказались после

перемешивания. Когда все ароматы были использованы, дощечки достаются из своих свёртков, запись официально переписывается в каллиграфическом виде и объявляется победитель дня. Здесь я предлагаю перевод такой записи: он объяснит все, почти непостижимые на первый взгляд, сложности игры.

В соответствии с этой записью игрок, использовавший дощечки, украшенные орнаментом «Молодая Сосна», допустил всего две ошибки; тогда как игрок, которому попался комплект «Белая Лилия», сделал только одно верное угадывание. Но большого мастерства требует верное угадывание десяти дощечек подряд. Обонятельные рецепторы могут немного онеметь до завершения игры; и поэтому существует традиция во время игры ко-квай в перерывах между играми полоскать рот чистым уксусом, так как при этой процедуре чувствительность рецепторов частично восстанавливается.

ЗАПИСЬ КО-КВАЙ

Порядок, в котором были использованы десять пакетов с благовониями:

– 1–2 – 3–4 – 5–6 – 7–8 – 9 – 10.

Названия, данные шести номерам использованных дощечек: III–I – ГОСТЬ – II–I – III–II–I – III–II в соответствии с декоративными орнаментами на задней части: Угаданные ответы, записанные под номерами на дощечке; верный ответ обозначается звёздочкой (*) количество угаданных ответов

«Золотая хризантема»	1 3 1 2 *Гость 1 2* 2 3* 3 3
«Юный бамбук»	3* 1* 1 2* 1* Гость 3 2 1 3 4
«Красный пион»	Гость 1* 2 2* 3 1 3 2 3* 1 3
«Белая лилия»	1 3 1 3 2 2 1 3 Гость 2* 1
«Юная сосна»	3* 1* Гость* 3 1* 2 2* 1*
	3* 2* 8 (Победитель)
«Вишневый цвет в тумане»	1 3 Гость* 2* 1* 3*
	1 2 3* 2* 6

НАЗВАНИЯ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ БЛАГОВОНИЙ

- I. «Тазогаре» («Кто там?») т. е. «Вечерние сумерки»).
- II. «Байква» («Цвет сливы»).
- III. «Вакакуса» («Молодая трава»).
- IV. («Гостевое благовоние») «Ямаджи-но-Тсую»

(«Роса на горной тропе»).

К японскому оригиналу предыдущей записи прилагались имена игроков, дата проведения званого вечера и название места проведения званого вечера. В некоторых семьях существует традиция вносить все подобные записи в книгу, специально созданную для данной цели и имеющую указатель, который позволяет игроку *ко-квай* непосредственно сослаться на любой интересный факт, относящийся к истории любой прошедшей игры.

Читатель, должно быть, обратил внимание на то, что четыре использованных вида благовоний имеют очень симпатичные названия. Например, первый упомянутый аромат называется так, как поэты называли бы сумерки Тазогаре (букв. «Кто там?» или «Кто это?») слово, которое здесь намекает на запах туалетной воды, которая раскрывает своё очаровательное присутствие любовнику, ждущему в темноте. Возможно будет интересно узнать о композиционном составе этих благовоний. Я могу предоставить японские рецепты для двух видов; но я не смог определить все названные материалы:

Рецепт для Ямаджи-но-Тсую

Пропорции ингредиентов.

около

Джинко (дерево алоэ) 4 момма (½ унция) Чоджи (гвоздика) 4 " "

Кунроку (ладан) 4 " "

Хакко (полынь) 4 " "

Яко (мускат) 1 бушель (1/8 унция)

Коко (?) 4 момма (1/2 унция)

До 21 пластинки

Рецепт для Байква

Пропорции ингредиентов

около

Джинко (дерево алоэ) 20 момма (2 ½ унций) Чоджи (гвоздика) 12 " (1 ½ унций)

Коко (?) 8 1/3 " (1 1/40 унций)

Бякудан (сандаловое дерево) 4 " (1/2 унций) **Каншо** (аралия) 2 бу (1/4 унций)

Квакко (буквица?) 1 бу 2 сбу (3/16 унций) **Кунроку** (ладан) 3 " 3 " (15/22 унций)

Шомокко (?) 2 " (1/4 унций)

Яко (мускат) 3 " 2 сбу (7/16 унций.)

Рюно (рафинированная борнейская камфора)

3 сбу (3/8 унций)

До 50 пластинок

Аромат, используемый в *ко-квай*, варьируется по цене в соответствии со стилем проведения званого вечера от \$2.50 до \$30.00 за конверт из 100 пластин пластины, как правило, составляют не более одной четвертой дюйма в диаметре. Иногда используется аромат стоимостью даже более \$30.00 за конверт: он содержит ранджатай, запах которого сравним с запахом «мuskата, смешанного с цветами орхидеи».

Но есть благовоние в продаже его никогда не было которое является гораздо более дорогим, чем ранджатай аромат, который ценится меньше за свой состав, чем за свою историю: я имею в виду аромат, привезенный несколько столетий назад из Китая или из Индии буддистскими миссионерами и дарованный ими принцам или другим высокопоставленным лицам. Несколько древних японских храмов также имеют такие заморские благовония среди своих сокровищ. И очень редко немного из этого бесценного материала отдаётся званому вечеру с использованием благовоний – по примеру Европы, по очень редким случаям, званый вечер прославляется производством вина, возраст которого составляет несколько сотен лет.

Подобно чайным церемониям, *ко-квай* предполагает строгое соблюдение очень сложных и древних правил этикета. Но эта тема могла бы заинтересовать лишь небольшое число читателей; и я должен лишь упомянуть некоторые правила, касающиеся приготовлений этой церемонии и мер предосторожности. Прежде всего, необходимо, чтобы лицо, приглашенное на званый вечер с благовониями, по возможности ничем не пахло: например, дама не должна использовать масло для волос или надевать платье, которое хранилось в надушенном комодe. Далее, гостю следует подготовиться к состязанию, приняв

продолжительную горячую ванну; также перед походом на званый вечер ему следует поесть только самую лёгкую и максимально лишённую запаха пищу. Запрещается покидать комнату во время игры или открывать дверь или окно или вступать в ненужный разговор. Наконец я могу заметить, что при определении аромата ожидается, что игрок сделает не менее трёх вдохов или не более пяти.

В наш экономический век появилась необходимость проводить коквей в гораздо более скромных формах, чем во времена великого даймио^[21], времена королевских аббатов и военной аристократии. Полный комплект приборов, необходимых для игры, сейчас можно купить примерно за \$50.00; но материалы будут наихудшего качества. Старомодные комплекты продавались по фантастически высоким ценам: некоторые стоили тысячи долларов. Стол воскуривателя благовоний – коробка для письменных принадлежностей, коробка для бумаг, ящик для дощечек и т. д. различные стойки или даи были покрыты драгоценнейшей золотой лакировкой; – щипчики и другие инструменты были сделаны из золота и замысловато обработаны; – и курительница будь она изготовлена из драгоценного металла, бронзы или фарфора была всегда шедевром, созданным каким-либо известным художником.

V

Хотя первоначальное значение ароматов в буддистских церемониях было в основном символическим, существует твердое основание предполагать, что различные более древние, чем буддизм, религии – некоторые, возможно, характерны для данной расы; другие возможно китайского или корейского происхождения – возникли в ранний период и повлияли на популярность использования ароматов в Японии. Ладан до сих пор жгут в присутствии мертвеца, считая, что его запах защищает покойника и только что покинувшую тело душу от злобных демонов. Крестьяне же часто жгут ладан для изгнания домовых и злых духов, вызывающих болезни. Но ранее его использовали для вызова духов умерших, а также для их изгнания. Аллюзии по поводу его применения в различных странных ритуалах могут быть найдены в некоторых старых японских драматических

произведениях и романах. Говорят, что один особый вид ладана, привезенный из Китая, обладал способностью вызывать человеческие души. Именно о таком волшебном благовонии идёт речь в таких древних любовных элегиях как эта:

«Я слышал о волшебном аромате,
который вызывает души умерших:
Хотелось бы мне попробовать немного такого ночью,
Когда я провожу время в одиноком ожидании!»

В китайской книге «Шан-хай-кинг» есть интересное упоминание об этом аромате. Он называется там «фван-хван-хианг» (в японском произношении хангон-ко) или «Аромат, вызывающий духов»; и он был сделан в Тсо-Чау, или в Районе Предков, расположенном у Восточного моря. Для вызова духа умершего человека или духа человека живого в соответствии с некоторыми авторитетными источниками – было достаточно лишь зажечь ароматическую палочку и произнести определенные слова, концентрируясь на мыслях об этом человеке. Затем в дыме благовония появятся вспоминаемое лицо и форма.

Во многих старых японских и китайских книгах упоминается об известной истории связанной с этим благовонием истории о китайском императоре Ву, династии Хан. Когда император потерял свою прекрасную фаворитку, госпожу Ли, он опечалился так сильно, что придворные устраивали ему всякие неординарные и даже зрелища, лишь бы он не лишился рассудка.

Но все попытки отвлечь его от мысли о покойной оказались тщетными. Однажды император заказал доставить себе «Аромат, вызывающий Духов», чтобы он смог пообщаться с её духом. Напрасно советники молили его оставить эту затею, объясняя ему, что подобное видение может только усугубить его печаль. Властелин не обращал внимания на их советы и сам исполнил ритуал зажёг благовоние и сконцентрировался на мысли о госпоже Ли. Вскоре в густом голубом дыму, возникшем из-за подоженного благовония, возник женский силуэт. Он стал более чётким, проявился, медленно посветлел и император узнал силуэт своей возлюбленной.

Сначала он едва узнал её; но вскоре тень стала такой отчётливой, словно это был живой человек, и с каждым мгновением она становилась всё более прекрасной. Император сказал что-то шёпотом видению, но не получил никакого ответа. Он позвал её вслух, но ответом ему была тишина. Тогда не в силах сдержать себя он подошёл к курительнице. Но как только он прикоснулся к дыму, видение задрожало и исчезло.

Японские художники до сих пор периодически черпают вдохновение в легендах о Хангон-хо.

Только в прошлом году в Токио на выставке новых *какемоно*^[22] я увидел картину, на которой изображена молодая жена, стоящая на коленях перед альковом, в котором дым от магического благовония образовывал тень отсутствующего мужа^[23].

Хотя считается, что только один вид благовоний имеет способность вызывать видения умерших людей, многие полагают, что сжигание любого вида благовоний вызывает большое количество невидимых духов – они являются, чтобы пожирать дым. Их называют *джики-ко-ки*, или «демоны, пожирающие дым»; и они принадлежат к четырнадцатому из тридцати шести классов *Гаки* (или претов^[24]), признанных японским буддизмом. Это привидения людей, которые прежде в целях наживы изготавливали или продавали плохие благовония; но злая карма такого поведения привела к тому, что теперь они стали духами, испытывающими вечный голод, и вынуждены искать единственную свою пищу в дыме благовоний.

История одного гадания

Однажды я был знаком с одним гадалщиком, который истинно верил в то, что он делал. Изучив старую китайскую философию, он искренне поверил в то, что можно предсказать будущее задолго до того, как стал заниматься этим делом. В юности он работал у одного богатого даймио, но впоследствии, подобно тысячам других самураев, он оказался в затруднительном положении в результате социальных и политических изменений эпохи Мейдзи. Именно тогда он стал предсказателем странствующим ураная путешествуящим пешком из города в город и редко возвращающимся домой (реже одного раза в год) с выручкой от своего путешествия. Будучи предсказателем, он достиг сносных успехов в основном, я полагаю, из-за своей абсолютной искренности и особой осторожной манеры, которая внушала доверие. Он придерживался старой системы: использовал книгу, известную английским читателям как «Йи-Кинг», а также набор колодок из чёрного дерева, которые можно было бы расположить так, что они сформировали любую из китайских гексаграмм; а кроме того он всегда начинал своё гадание с искренней молитвы богам.

Сама система, которой он придерживался, работала безотказно в руках мастера. Он признался, что допустил несколько ошибочных предсказаний; но утверждал при этом, что эти ошибки были совершены целиком и полностью из-за его собственного непонимания определенных текстов или диаграмм. Чтобы отдать ему должное, я должен упомянуть, что в моём случае (а гадал он мне четыре раза) его предсказания были исполнены так точно, что я стал бояться их. Вы можете не верить в гадания и даже презирать их с высоты собственного интеллекта; но почти в каждом из нас прячется нечто от врождённого суеверного чувства; и некоторые странные обстоятельства могут вызвать само это чувство и породить самую безрассудную надежду или страх удачи или неудачи, напрогноченной вам каким-нибудь предсказателем. На самом деле увиденное вами будущее вполне может разочаровать вас. Представьте себе результат того, что вам сообщено знание чего-то неизбежного, того, что

произойдёт с вами в течение следующих двух месяцев, какого-нибудь ужасного несчастья, от которого вам не защититься!

Когда я впервые увидел его в Изумо, это был уже пожилой мужчина разумеется, ему было далеко за шестьдесят, но выглядел он гораздо моложе. Затем я встретил его в Осака, в Киото и в Кобе. Несколько раз я пытался убедить его провести наиболее холодные месяцы зимы под моей крышей так как он обладал исключительными знаниями традиций и мог бы оказать мне неоценимую услугу в прямом смысле слова. Но отчасти из-за того, что привычка путешествовать стала его второй натурой, частично из-за его цыганской любви к свободе я никогда не мог удержать его около себя более двух дней подряд.

Каждый год он ездил в Токио обычно поздней осенью. Затем несколько недель он бродил по городу, из района в район, и снова исчезал. Но во время этих непродолжительных поездок он всегда навещал меня; принося долгожданные известия от людей и из мест Изумо принося также какой-нибудь замысловатый небольшой подарок, как правило, религиозного назначения, из какоголибо известного места своего странствия. По таким случаям я мог беседовать с ним по несколько часов. Иногда разговор шёл о странных вещах, увиденных или услышанных им в течение его последнего путешествия; иногда разговор переключался на старые легенды или верования; иногда мы просто говорил о гадании. В последнюю нашу встречу он рассказал мне о точной китайской науке гадания, которой он, к сожалению, никогда не был в состоянии овладеть.

– Любой, кто владеет этой наукой, – уверял меня он, – может, например, не только сообщить вам точное время, когда рухнет любая опора или балка этого дома, но даже сообщить вам направление разрушения и все его последствия. Лучше всего я смогу вам объяснить, что я имею в виду, рассказав следующую историю.

«Это история об известном китайском предсказателе, которого мы в Японии называем Шоко Сетсу, и она написана в книге «Байква ШинЕки», книге гаданий. Будучи всё ещё очень молодым человеком, Шоко Сетсу получил высокий пост благодаря своей учёности и заслугам; но он отказался от него и стал жить в одиночестве, чтобы посвятить всё своё время учёбе. Многие годы после этого он жил один в хижине в горах; посвящая всё своё время обучению без огня зимой и

без прохлады летом; записывая свои мысли на стене своей комнаты в отсутствие бумаги; и используя только лишь черепицу в качестве подушки.

«Однажды в период сильной летней жары его одолела дремота; и он лег отдохнуть, подложив себе под голову черепицу. Едва он заснул, как по его лицу пробежала крыса, это заставило его вздрогнуть и проснуться. Разозлившись, он схватил черепицу и бросил её в крысу, но крыса ускользнула от удара, а черепица разбилась. Шоко Сетсу печально смотрел на кусочки своей подушки и упрекал себя за вспыльчивость. Затем вдруг он заметил на только что разбившейся глиняной черепице какие-то китайские символы значились они на изломе между верхней и внутренней поверхностями. Посчитав это очень странным, он собрал кусочки и тщательно изучил их. Он обнаружил, что вдоль линии разлома внутри глины ещё до обжига черепицы были написаны семнадцать символов.

И символы эти гласили следующее: «В Год Кролика, в четвёртый месяц, в семнадцатый день, в час Змеи, эта черепица, служившая подушкой, будет брошена в крысу и разобьётся». И надо же – предсказание действительно исполнилось в Час Змеи в семнадцатый день четвёртого месяца Года Кролика. Шоко Сетсу был этому очень удивлен. Он взглянул на кусочки черепицы ещё раз и обнаружил печать и имя производителя. Тут же он покинул свою хижину и, взяв с собой кусочки черепицы, поспешил в соседний город в поисках того, кто её сделал. Он отыскал этого человека в течение дня, показал ему разбитую черепицу и спросил его об истории её изготовления.

Тщательно осмотрев черепки, мастер сказал:

– Эта плитка была действительно сделана в моём доме; но символы в глине были написаны стариком предсказателем который попросил разрешения написать что-нибудь на плитке до её обжига.

– Вы знаете, где он живёт? спросил Шоко Сетсу.

– Раньше он жил недалеко отсюда, – ответил гончар, – и я могу показать тебе путь к дому. Но я не знаю, как его зовут.

Дойдя до дома предсказателя Шоко Сетсу появился на пороге и попросил разрешения говорить со стариком. Ученик-слуга любезно пригласил его войти и проводил его в квартиру, где несколько молодых людей занимались учёбой. Как только Шоко Сетсу занял своё место, все молодые ученики поприветствовали его. Затем тот, кто впервые

обратился к нему, поклонился и сказал: «Мы спешим сообщить вам печальную новость: наш хозяин умер несколько дней назад. Но мы ждём вас, так как он предсказал, что вы придёте сегодня в этот дом и в этот самый час. Вас зовут Шоко Сетсу. И наш учитель приказал нам дать вам книгу, которая, по его мнению, вам пригодится. Вот эта книга – пожалуйста, примите её».

Шоко Сетсу был скорее не удивлен, а восхищен ею; так как книга была рукописью самого редкого и самого ценного качества она содержала все секреты науки предсказания. Поблагодарив молодых людей и должным образом высказав своё сожаление по поводу смерти их учителя, он вернулся назад в свою хижину и сразу же начал спрашивать книгу о своей собственной судьбе: Книга поведала ему, что на южной стороне его жилища в определенном месте около одного из углов его дома его ждёт большая удача. Он начал копать в указанном месте и обнаружил кувшин, содержащий столько золота, что он мог бы стать очень богатым человеком».

Такова была рассказанная им история.

Мой старый знакомый ушёл из жизни так же одиноко, как и жил. Прошлой зимой, пересекая горный хребет, он попал в снежную бурю и сбился с пути. Много дней спустя его обнаружили стоящим у сосны с небольшим вещевым мешком за плечами. Он являл собой настоящую ледяную статую руки его были сложены и глаза закрыты как в медитации. Возможно, ожидая окончания бури, он заснул от холода, и его занесло снегом, пока он спал. Узнав о такой странной смерти, я вспомнил старую японскую пословицу: – «Уранайя миноуйе ширазду»: то есть – «Предсказатель не знает своей собственной судьбы».

Шелкопряды

I

Как-то раз я был озадачен странной фразой: «бровь тутового шелкопряда» – встретившейся мне в одной старинной японской или скорее китайской пословице. Целиком она звучала так: «Женская бровь тутового шелкопряда это топор, который разрушает мудрость мужчины». Поэтому я обратился к своему другу Ними, который сам держит шелкопрядов, чтобы тот объяснил мне, что это значит.

– Возможно ли это, – в изумлении воскликнул он, – что вы никогда не видели бабочки тутового шелкопряда? Бабочка шелкопряда имеет очень красивые брови.

– Брови? – спросил я в изумлении.

– Ну называй их как знаешь, – ответил Ними; – но поэты называют их бровями. Подожди немного, я тебе покажу».

Он вышел из гостевой комнаты и вскоре вернулся с белым бумажным веером, на котором сидела сонная бабочка тутового шелкопряда.

– Мы всегда храним несколько бабочек для выращивания, – сказал он; – эта только что вышла из кокона. Она не может летать, конечно: никто из них не может летать. А теперь посмотри на её брови.

Я посмотрел и увидел, что антенны бабочки, очень короткие и пушистые, были так изогнуты над двумя бриллиантовыми точками на бархатной головке, что выглядели как действительно прекрасная пара бровей.

Затем Ними подвел меня к шелкопрядам.

По соседству с домом, где живёт Ними и где растёт множество тутовых деревьев, многие семьи держат тутовых шелкопрядов; – уход и кормление осуществляют в основном женщины и дети. Шелкопряды хранятся в больших продолговатых лотках, подвешенных на легкие деревянные подставки на высоте примерно около метра. Любопытно наблюдать, как сотни гусениц кормятся в одном лотке, и слышать мягкий бумажный шум, который они производят, пока грызут листья

тутовых деревьев. Пока растут, они требуют почти постоянного внимания. Через короткие промежутки времени специалист подходит к каждому лотку и проверяет их рост, собирает самых толстых кормильцев и решает, нежно прокатывая их между указательным и большим пальцем, какой из них готов выйти из кокона. Такие шелкопряды попадают в закрытые коробки, где они обматываются белой нитью. Только некоторые из самых лучших появляются из своего шёлкового сна избранные производители. Они имеют прекрасные крылья, но не могут использовать их. У них есть рты, но они не едят. Они только лишь спариваются, откладывают яйца и умирают. Тысячи лет их раса была под столь неусыпной заботой, что сейчас они не могут позаботиться сами о себе.

Именно эволюционный урок этого последнего факта в основном занимал меня, пока Ниими и его младший брат (который кормит гусениц) любезно объясняли методы такого производства. Они рассказали мне любопытные вещи о различных видах и также о диком разнообразии тутовых шелкопрядов, которые не могут быть одомашнены: – они вырабатывают великолепный шёлк перед тем, как превратиться в мощную бабочку, которая может использовать свои крылья с какой-либо целью. Но я боюсь, что я не вёл себя как человек, который чувствовал заинтересованность в предмете; так как даже пока я пытался слушать, я начал размышлять.

II

Прежде всего я задумался о восхитительной мечте Анатоля Франса, в которой он говорит, что если бы он был Демиургом, он поставил бы юность в конец жизни, а не в начало, и тогда так организовал бы жизнь, что каждый человек должен был бы пройти три стадии развития, как-то соответствующие стадиям развития бабочек: Тогда мне пришло на ум, что эта фантазия была по существу едва ли больше, чем тонкое изменение весьма древней доктрины, распространяющейся почти на все высшие формы религии.

Западные верования особенно говорят нам о том, что наша жизнь на земле это личиночное состояние жадной беспомощности и что смерть это куколка сон, из которого мы должны перейти в вечный свет.

Они говорят нам, что в течение своего сознательного существования внешняя оболочка должна считаться только лишь одним из видов гусеницы, а потом куколкой; – и они утверждают, что мы теряем или приобретаем в соответствии с нашим поведением как личинки силы для развития крыльев под смертельной обмоткой.

Они также говорят нам не беспокоиться о том, что мы не видим отделения какого-либо психологического прообраза от разбитого кокона: этот недостаток визуальной очевидности не означает ничего, так как мы имеем только лишь близорукое видение гусениц. Наши глаза участвуют лишь наполовину. Разве целые шкалы цветов не существуют невидимо над и под ограничениями чувствительности сетчатки наших глаз? Тем не менее, человек-бабочка существует – хотя, фактически, мы не видим его.

Но что произойдет с этим прообразом в состоянии полного блаженства? С эволюционной точки зрения этот вопрос интересен; и его очевидный ответ был предложен мне историей этих шелкопрядов которые были одомашнены всего лишь несколько тысяч лет назад. Рассмотрите результат нашего китайского одомашнивания – скажем на несколько миллионов лет: я имею в виду конечную последовательность, для желающих, способности удовлетворять каждое желание произвольно.

Эти шелкопряды имеют всё, что они пожелают, даже значительно больше. Их желания, хотя и очень простые, фундаментально идентичны потребностям человека пища, кров, тепло, безопасность и комфорт. Наша бесконечная социальная борьба в основном направлена на это. Наша мечта о небе – это мечта заполучить их безболезненно; и состояние этих шелкопрядов воплощение небольшого масштаба нашего вымышленного Рая. (Я не рассматриваю тот факт, что судьба подавляющего большинства шелкопрядов предопределена: это мучения и вторая смерть; поскольку моя тема о небе, а не потерянных душах. Я говорю об избранных судьба этих шелкопрядов предопределена: спасение и перерождение). Возможно, они могут испытывать лишь очень слабые ощущения: они определенно не могут молиться. Но если они могли бы молиться, они не могли бы спрашивать ничего более, чем то, что они уже получают от юноши, который кормит и ухаживает за ними.

Он их провидение бог, о существовании которого они могут знать только самым неопределенным образом, но только такой бог, какого они требуют. И нам следует глупо считать себя счастливыми потому, что о нас равным образом хорошо заботятся в соответствии с нашими более сложными потребностями. Разве наши общие формы молитвы не доказывают нашего желания подобного внимания? Разве не является утверждение нашей «потребности в божественной любви» безотчетным признанием в том, что мы хотим, чтобы с нами обращались как с шелкопрядами жить без боли, уповая на помощь богов? Однако, если боги должны были бы относиться к нам так, как мы хотим, нам следовало бы вскоре позволить себе новое доказательство таким образом, который называется «очевидность от вырождения» – что великий закон эволюции гораздо выше богов.

Ранняя стадия этого вырождения будет представлена полной неспособностью помочь себе; – затем нам следует начать терять использование наших высших органов чувств; – позже мозг сожмётся в исчезающую самую суть вопроса; – позже мы должны превратиться лишь в бесформенные мешки, слепые желудки. Таково будет физическое последствие этого вида божественной любви, о которой мы так лениво мечтаем. Желание вечного блаженства в вечном мире может показаться злонамеренным вдохновением от Богов Смерти и Тьмы. Вся жизнь, которая чувствует и думает, была и может продолжать быть только лишь как продукт борьбы и боли только как результат бесконечного сражения с Силами Вселенной. И космический закон не терпит компромиссов. Какой бы орган не прекращает чувствовать боль, какая бы способность не прекращает быть использованной под стимулом боли должна также прекратить существование. Дайте боли и её усилию задержаться и жизнь должна сжаться обратно, сначала в протоплазмическую бесформенность, затем в пыль.

Буддизм который по большой счёту является доктриной эволюции рационально провозглашает своим небом не что иное как высшую стадию развития через боль и обучает тому, что даже в раю прекращение усилий ведёт к деградации. С равным благоразумием он провозглашает, что способность к боли в сверхчеловеческом мире всегда увеличивается в пропорции к способности к наслаждению. (К этому учению практически невозможно придраться с научной точки

зрения так как мы знаем, что высшая эволюция должна включать повышение чувствительности к боли). В Небесах Желания, говорит Шобо-нен-йо-кио боль смерти так велика, что все агонии всех адов вместе взятых может приравняться к одной шестнадцатой части такой боли^[25].

Вышеуказанное сравнение является без необходимости сильным; но буддистское учение о небе по существу в высшей степени логично: подавление боли ментальной или физической в любом возможном состоянии сознательного существования обязательно будет включать и подавление удовольствия; – и, конечно, весь прогресс, моральный или материальный, зависит от способности воспринимать и контролировать боль. В раю шелкопрядов, наши земные инстинкты ведут нас к желанию, серафим, освобожденный от необходимости мучительного труда и способный удовлетворять свою каждую потребность, произвольно наконец потеряет свои крылья и погрузится в состояние личинки...

III

Я рассказал суть моих мечтаний Ниими. Он был великим читателем буддистских книг.

– Ну, – сказал он, – мне напомнили о странной буддистской истории пословицей, которую вы попросили меня объяснить, «женская бровь бабочки тутового шелкопряда топор, который разрубает мудрость мужчины». В соответствии с нашей доктриной пословица верна как о жизни на небе, так и жизни на земле. С этим связана следующая история.

«Когда Шака^[26] жил в этом мире, один из его учеников, по имени Нанда^[27], был ослеплен красотой женщины; и Шака пожелал спасти его от результатов этого ослепления. Он отвел Нанда в самое дикое место в горах, где жили обезьяны и показал ему очень уродливую самку обезьяны и спросил его:

– Кто более красив, Нанда, – женщина, которую ты любишь, или эта самка гориллы?

– О учитель! – воскликнул Нанда, – как прелестная женщина может сравниться с ужасной гориллой?

– Возможно вы вскоре найдёте причину для самостоятельного сравнения, – ответил Будда; и в одно мгновение путем сверхъестественной силы он спустился вместе с Нанда к обители Сан-ЮзанТен, которая является Второй из Шести Небес Желания. Там, во дворце драгоценностей, Нанда увидел множество божественных девушек, празднующих какой-то праздник с музыкой и танцами; и красота самых невзрачных среди них несравненно превышала красоту самых красивых женщин на земле.

– О учитель! – закричал Нанда, – что за это удивительный праздник?

– Спроси кого-нибудь из этих людей – ответил Шака.

Нанда задал вопрос одной из небесных красавиц; и та ответила ему:

– Этот праздник устроен для того, чтобы отметить хорошие новости, которые были принесены нам. Сейчас в человеческом мире, среди учеников Шаки, есть отличный малый по имени Нанда, который скоро переродится на небеса и станет нашим женихом из-за своей святой жизни. Мы ждём его с радостью.

Этот ответ наполнил сердце Нанды восхищением. Тогда Будда спросил его:

– Существует ли кто-либо среди этих девушек, Нанда, равная по красоте той женщине, в которую ты влюблён?

– Нет, Учитель! – ответил Нанда; – Как та женщина превосходит по красоте самку гориллы, которую мы видели на горе, так и её саму превосходит даже самая некрасивая среди них.

Тогда Будда немедленно спустился с Нандой в глубины ада и подвел его к камере пыток, где несметное число мужчин и женщин варились заживо в огромных котлах и подвергались иным ужасным пыткам со стороны чертей. Тогда Нанда оказался перед огромным сосудом, который был наполнен расплавленным металлом; – отчего он испытал страх и в то же время удивился, поскольку в этом котле ещё никого не было. Праздный чёт сидел около котла, позёвывая.

– Учитель, – спросил Нанда Будду, – для кого был приготовлен этот котёл?

– Спроси у чёрта, – ответил Шака.

Нанда так и сделал; и чёрт сказал ему:

– Есть один человек по имени Нанда сейчас он один из учеников Шаки который скоро переродиться на небеса вследствие своих прежних хороших поступков. Но после этого он должен переродиться в этом аду; и его место будет в этом котле. Вот я и жду его». [\[28\]](#)

Страстная карма

Одним из постоянных аттракционов токийской сцены является представление известного Кикугоро и его компании «Ботан-Доро» или «Пионовый Фонарь». Эта странная пьеса, действие которой происходит в середине прошлого века, является театральной постановкой романа писателя Энчо, написанного на разговорном общепонском и чистом японском языке, сдобренным выражениями местного колорита, хотя её написание было вдохновлено китайской легендой. Я пошёл на этот спектакль; и Кикугоро познакомил меня с новым чувством приятным чувством страха. «Почему бы не показать английскому читателю ту часть истории, где говорится о привидениях?» – спросил друг, который вовремя направляет меня через дебри восточной философии. «Это поможет объяснить мне некоторые популярные идеи о сверхъестественном, о которых западные люди знают так мало. И я мог бы помочь вам с переводом».

Я с радостью принял это предложение; и мы составили следующее резюме более экстравагантной части романа Энчо. Время от времени мы считали необходимым сгущать оригинальное повествование; и мы пытались придерживаться текста только в разговорных отрывках некоторые из которых были особенно интересны с психологической точки зрения.

«Вот история о Привидениях в романе «Пионовый фонарь»: –

I

Однажды в районе Ушигом, в Йеддо, жил-был хатамото^[29] по имени Ииджима Хайзаймон, чья единственная дочь, Тсую, была так же прекрасна, как и её имя, которое означало «Утренняя Роса». Ииджима женился во второй раз, когда его дочери было около шестнадцати; и поняв, что О-Тсую не может жить счастливо со своей мачехой, он построил для своей дочери прекрасную отдельную виллу в Янадгиджима и приставил к ней прекрасную служанку под имени О-Йоун.

О-Тсую жила довольно счастливо в своем новом доме, пока однажды к ней в дом не пришёл семейный врач Ямамото Шиджо в компании с юным самураем по имени Хагивара Шинзабуро, который жил в квартале Недзу. Шинзабуро был невероятно красив и весьма благовоспитан; так что молодые люди влюбились друг в друга с первого взгляда. Ещё до завершения короткого визита они умудрились незаметно для старого доктора – поклясться друг другу в вечной любви. И расставаясь, О-Тсую прошептала юноше: «Помни! Если ты не придёшь снова ко мне, я умру!»

Шинзабуро никогда не забывал эти слова; он лишь только очень страстно желал ещё раз увидеть О-Тсую. Но этикет не позволял ему приходить к ней в одиночестве: он был обязан ждать какого-либо ещё случая, чтобы сопровождать доктора, который пообещал взять его на виллу во второй раз. К сожалению, старик не сдержал своего обещания. Он заметил внезапное чувство О-Тсую; и побоялся, что ее отец заставит его самого отвечать за любые серьёзные результаты его опрометчивого сводничества. Ииджима Хейзайемон имел репутацию отрубателя голов. И чем больше Шиджио думал о возможных последствиях его представлении Шинзабуро в доме Ииджима, тем более ему становилось страшно. Поэтому он намеренно не приглашал своего юного друга.

Прошли месяцы; и О-Тсую, едва представляя истинную причину забывчивости Шинзабуро, подумала, что её любовь отвергли. Тогда она заболела и умерла. Вскоре после этого преданная слуга О-Йоун тоже умерла от горя в связи с потерей своей хозяйки; и обе были похоронены рядом друг с другом на кладбище Шин-Банзуи-Ин храме, который до сих пор стоит в окрестностях Данго-

Зака, где ежегодно проходят известные выставки хризантем.

II

Сам же юный Шинзабуро ничего не знал о случившемся; но его разочарование и тревога закончились продолжительной болезнью. Он медленно выздоравливал, но всё ещё был очень слаб, когда неожиданно к нему с визитом пришёл доктор Ямамото Шиджо. Старик

несколько раз извинился за своё явное пренебрежение. Шинзабуро ответил ему:

– Я болел с самого начала весны; – даже сейчас я ничего не могу есть. Разве не жестоко было с твоей стороны ни разу не зайти? Я думал, мы ещё раз вместе навестим леди Ииджима. Я хотел передать ей один небольшой подарок в качестве благодарности за её любезный приём. Разумеется, я не мог бы пойти к ней один.

Шиджо серьёзно ответил:

– Я очень сожалею, что эта юная девушка умерла!

– Умерла! – воскликнул Шинзабуро, бледнея. – вы сказали, она умерла?

Доктор помолчал некоторое время, словно собираясь духом: затем продолжил быстро и легко как человек, настроенный решительно не принимать беды близко к сердцу:

– Моей большой ошибкой было то, что я познакомил тебя с ней, так как, кажется, она в тебя сразу влюбилась. Я боюсь, должно быть, ты сказал или сделал что-то, что весьма поспособствовало этому чувству когда вы были вместе в той маленькой комнате. В любом случае я видел, что она чувствовала по отношению к тебе; и тогда мне стало неловко; я побоялся, что её отец может узнать о происходящем и обвинить во всём меня. Поэтому говоря честно я решил, что будет лучше, если я не буду звать тебя; и я намеренно ничего тебе не говорил долгое время. Но всего лишь несколько дней назад, случайно побывав в доме Ииджима, я узнал, к своему великому удивлению, что его дочь умерла и что её служанка ОЙоун тоже умерла. Затем, вспомнив обо всём произошедшем, я понял, что юная девушка, должно быть, умерла от любви к тебе, (он засмеялся). Ах, ты действительно грешник! Да, ты грешник!.. (вновь засмеялся он). Разве это не грех – родиться таким красавцем, что девушки умирают от любви к тебе?^[30] Ну, нам придётся – серьёзно сказал он, – оставить мёртвых мёртвым. Нет пользы дальше говорить о делах; – все, что вы сейчас можете сделать для неё, – это повторить нембуцу^[31]... До свидания».

И старик поспешно попрощался – стараясь избежать дальнейших разговоров о печальном событии, за которое он невольно чувствовал ответственность.

Шинзабуро долгое время был ошеломлен печальными новостями о смерти О-Тсую. Но как только он обнаружил, что вновь способен мыслить ясно, он выгравировал имя умершей девушки на погребальном камне и поместил его в буддистскую часть своего дома и приносил пожертвования и произносил молитвы. Каждый день после этого он приносил пожертвования и повторял нембуцу; и память об О-Тсую никогда не покидала его.

Ничто не нарушало монотонное течение его одинокой жизни до наступления времени Бон великого Праздника Мёртвых который начинается на тринадцатый день седьмого месяца. Затем он украсил свой дом и приготовил всё для праздника; – вывесил фонари, которые направляют возвративших духов, и поставил пищу духов на *шориодана*, или Полку Душ. И в первый вечер праздника Бон после захода солнца он зажёт небольшую лампу перед погребальным камнем О-Тсую и зажёт фонари.

Ночь была ясной с большой луной и безветренной, и очень тёплой. Шинзабуро укрылся на прохладной веранде. Одетый лишь только в лёгкое летнее платье, он сидел на веранде в мыслях, мечтах, печали; – иногда он обмахивался веером; иногда слегка затягивался, чтобы отогнать комаров. Всё было спокойно. Окрестности были пустынно и было мало прохожих. Он мог слышать лишь только мягкий шелест соседнего ручейка и жужжание ночных насекомых.

Но вдруг эта тишина была разрушена звуком приближающихся женских гета^[32] – *каракон! каракон!* – и звук приближался всё ближе и ближе, быстро, пока он не достиг живой изгороди, окружающей сад. Затем Шинзабуро в любопытстве встал на цыпочки, чтобы посмотреть за изгородь; и он увидел двух проходящих женщин. Одну, которая несла красивый фонарь, украшенный пионами^[33], по всей видимости, была служанкой; – другая была стройной девушкой около семнадцати лет, носящей платье с длинными рукавами с узором осенних цветов. Почти в тот же момент обе женщины повернули свои лица к Шинзабуро; – и к своему великому удивлению он узнал О-Тсую и его служанку О-Йоун.

Они немедленно остановились; и девушка выкрикнула:

– Как странно!.. Хагивара Сама!

В тот момент Шинзабуро обратился к девушке:

– О-Йоун! Ах, это О-Йоун! Я тебя очень хорошо помню».

– Хагивара Сама! – воскликнула О-Йоун в высшей степени удивления. – Никогда не подумала бы, что это возможно!.. Господин, нам сказали, что вы умерли.

– Как интересно! – закричал Шинзабуро.

– Как же так?! Это мне сказали, что вы обе умерли!

– Ах, что за ужасная история! – ответила О-Йоун. – Зачем повторять такие несчастливые слова? Кто сказал тебе такое?

– Пожалуйста, войдите в мой дом, – сказал Шинзабуро; – здесь мы можем всё обсудить. Ворота в сад открыты.

Итак, они вошли и обменялись приветствиями; и когда Шинзабуро проводил их, он сказал им:

– Я надеюсь, что вы простите мою неучтивость и то, что я не навещал вас так долго. Но Шиджо, доктор, около месяца назад сообщил мне, что вы обе умерли.

– Так это он рассказал вам! – воскликнул О-Йоун. – Было очень жестоко с его стороны сказать такое. Но знаете, ведь именно Шиджо сообщил нам о вашей смерти. Я думаю, он хотел обмануть вас, – что было несложно, ведь мы были такими наивными и доверчивыми. Возможно, моя хозяйка выдала своё чувство к вам в нескольких словах, которые дошли до ушей её отца; и в этом случае О-Куни его новая жена возможно собиралась заставить доктора сказать вам, что мы обе умерли, чтобы спровоцировать развод. В любом случае когда моя хозяйка узнала, что вы, мой господин, скончались, она хотела сразу постричься в монашки. Но я смогла убедить её не обрезать волосы; и как-то убедила её если и становиться монашкой, то только очень глубоко в своём сердце.

Позднее её отец пожелал, чтобы она вышла замуж за некоего молодого человека; но она отказалась. Затем было очень много неприятностей в основном причиненных О-Куни; – и мы удалились от отцовской виллы и нашли очень маленький дом в Янака-но-Сасаки. Там мы могли жить, лишь выполняя небольшую частную работу. Моя хозяйка постоянно повторяла за вас нембуцу. Сегодня, в первый день Бон, мы пошли посетить храмы; и уже были на обратном пути к дому то есть уже поздно когда произошла эта странная встреча».

– О как интересно! – воскликнул Шинзабуро. – Неужели это правда? или это только сон? Но и я также постоянно повторял нембуцу перед погребальным камнем с в выгравированным на ней именем твоей госпожи! Посмотри! – И он показал им камень О-Тсую на месте на Полке Душ.

– Мы более чем благодарны за вашу добрую память, – ответил О-Йоун, улыбаясь. – Что же касается моей доброй госпожи, – продолжила она, поворачиваясь к О-Тсую, которая всё это время оставалась скромной и молчаливой, наполовину спрятав своё лицо в рукав, – что касается моей госпожи, она фактически говорит, что не возражает против того, чтобы от неё на время семи жизней^[34] отказался отец, или даже быть убитой им ради вас! Ну же! Неужели вы не разрешите ей оставаться здесь сегодня?»

Шинзабуро побледнел от радости. Он ответил дрожащим от волнения голосом:

– Пожалуйста, останьтесь; но не разговаривайте громко так как неподалёку живёт доставляющий неприятности парень, – нинсоми^[35] по имени Хакуодо Юсай, который предсказывает судьбу по лицу. Он может быть заинтересоваться этим; так что будет лучше, чтобы он об этом не знал.

Две женщины остались той ночью в доме юного самурая и вернулись к себе домой незадолго до рассвета. И после этой ночи они приходили каждую ночь в течение семи ночей вне зависимости от погоды всегда в тот же час. И Шинзабуро стал всё больше и больше привязан к девушке; и двое были связаны друг с другом узами иллюзий, что сильнее железных оков.

Теперь мы обратимся к человеку по имени Томозо, который жил в маленьком доме, прилегающем к резиденции Шинзабуро. Томозо и его жена О-Майн оба служили у Шинзабуро слугами. Оба, казалось, были преданы своему юному хозяину; и с его помощью могли жить сравнительно благополучно.

Однажды ночью, в очень поздний час, Томозо услышал голос женщины в квартире своего хозяина, и это заставило его почувствовать себя неловко. Он побоялся, что Шинзабуро, будучи очень воспитанным и деликатным юношей, мог бы стать жертвой какого-нибудь хитрого злодея в этом случае в первую очередь пострадают слуги. Поэтому он решил наблюдать; и на следующую ночь слуга на

цыпочках прошёл в жилище Шинзабуро и стал смотреть в щелку в одной из скользящих ставней. При свете ночного фонаря внутри спальни он смог разглядеть, что его хозяин и странная женщина разговаривали друг с другом под сеткой от насекомых. Сначала он не мог чётко разглядеть женщину. Она стояла спиной к нему; – он лишь заметил, что она очень стройна и что она были очень юна судя по фасону её платья и причёске^[36]. Приложив ухо к щели, Томозо легко мог услышать разговор. Женщина говорила:

– И если я буду отвергнута отцом, разрешишь ли ты прийти ко мне и жить с тобой?

Шинзабуро ответил:

– Конечно, да – более того, я буду только рад выпавшему мне шансу. Но нет причин бояться, что ты когда-либо будешь отвергнута своим отцом; так как ты его единственная дочь и он тебя очень любит. Чего я действительно боюсь это того, что однажды мы будем жестоко разлучены.

Она тихо ответила:

– Никогда, никогда я даже подумать не могла о том, чтобы принимать какого-либо иного мужчину в качестве своего мужа. Даже если наша тайна должна была бы стать известной, мой отец должен был бы убить меня за то, что я сделала, однако, даже после смерти я никогда не смогла бы перестать думать о тебе. И сейчас я просто уверена, что вы сами не сможете жить очень долго без меня.

Затем тесно прижавшись к нему, и целуя его шею, она стала ласкать его; он ответил на её ласки.

Томозо удивился её словам – так как изъяснялась она не был языком обычной женщины, но языком дамы из высшего общества^[37]. Затем он решил во что бы то ни стало взглянуть на её лицо; и он ползал по дому взад-вперёд, всматриваясь в каждую щель и трещину. И наконец он смог увидеть его; – но при этом его охватила ледяная дрожь; и волосы на его голове встали дыбом.

На месте её лица зияли впадины черепа давно умершей женщины; на месте её ласкающих пальцев торчали голые костные фаланги – а тела ниже талии не было вовсе: оно растворялось в тончайшую стелющуюся тень. Там где глаза очарованного любовника видели молодость, грацию и красоту, глаза его слуги видели только ужас и пустоту смерти. Одновременно фигура другой женщины, странная

тень, встала из глубины комнаты и быстро направилась к смотрящему, как бы определяя его присутствие. Тогда в запредельном ужасе он бросился к жилищу предсказателя по имени Хакуодо Юсай и, яростно стуча в двери, смог поднять его с постели.

V

Хакуодо Юсай, гадатель-нинсоми, был очень старым человеком; но в своё время он много попутешествовал и слышал и повидал столько всего, что уже почти ничему не удивлялся. Однако история, рассказанная испуганным Томозо, встревожила и удивила его. Он читал в древних китайских книгах о любви между живыми и мёртвыми; но сам он никогда не считал это возможным. Однако сейчас он почувствовал, что утверждение Томозо не было ложью и что в доме Хагивара действительно происходило что-то очень странное. Если бы то, что привиделось Томозо, было правдой, тогда юный самурай был обречён.

– Если бы эта женщина была привидением, – сказал Юсай испуганному слуге, – то ваш хозяин должен был бы очень скоро умереть, разве что для его спасения было бы предпринято нечто экстраординарное. И ещё – если бы он действительно встречался с привидением, то знаки смерти уже были бы видны на его лице. Так как дух живого человека недаром зовётся йоки, то есть чистый; дух же умершего человека зовётся инки, то есть нечистый. Первый Позитивный, второй Негативный. Тот, чья невеста привидение, физически не может жить. Даже если в его крови существует сила жизни ста лет, эта сила должна весьма быстро угаснуть. Тем не менее, я должен сделать всё возможное для спасения Хагивара Сама. А пока, Томозо, не говори ничего кому-либо ещё даже своей жене об этом. На рассвете я навещу твоего хозяина.

Когда той же ночью Юсай заявился в гости к Шинзабуро и стал задавать ему вопросы, тот сперва попытался отрицать визит каких-либо женщин в свой дом; но поняв, что отрицать это бесполезно и видя, что цель старика была совсем не эгоистичной, он в конце концов признался в том, что на самом деле случилось и объяснил, почему он

хотел бы сохранить это в секрете. Что касается госпожи Ииджима, то, по его словам, он собирался жениться на ней как можно скорее.

– Это безумие! – закричал Юсай, теряя терпение из-за слишком сильного волнения. – Знайте же, господин, что люди, которые приходят сюда каждую ночь, на самом деле мертвы! Вас преследует какая-то ужасная галлюцинация!.. Посудите сами, тот простой факт, что вы давным-давно считали О-Тсую умершей и повторяли молитву нимбуцу за неё и делали приношения перед её погребальным камнем, уже сам по себе является доказательством этого!.. Даже в этот момент я вижу на вашем лице знаки смерти – а вы не хотите верить!.. Послушайте, господин, я прошу вас, одумайтесь, если вы в самом деле хотите спастись: иначе вам осталось жить меньше двадцати дней. Они сказали вам, эти люди, что они живут в районе Шитая, в Янака-но-Сасаки? Вы когда-либо навещали их в этом месте? Нет! Конечно, нет! Тогда пойдите туда сегодня как можно скорее в Янака-но-Сасаки и постарайтесь найти их дом!..»

И произнеся это с самой горячей серьёзностью, Хакуодо Юсай быстро ушёл.

Шинзабуро, удивленный этим советом, но не поверивший словам гадателя, решил после минутного размышления последовать совету нинсоми и пойти к Шитая. Уже рано утром он добрался до квартала Янака-но-Сасаки и начал поиск места, где живёт О-Тсую. Он проходил через каждую улицу и переулок, читал все надписи, написанные на различных входах, и навёл справки, каждый раз, когда предоставлялась такая возможность. Но он не мог найти ничего, подходящего на небольшой дом, упомянутый О-Йоун; и никто из людей, кого он опросил, не знал об этом доме в квартале, населённом двумя одинокими женщинами. Наконец чувствуя, что дальнейшие поиски будут бесполезными, он вернулся домой кратчайшим путём, который, так случилось, вёл к землям храма Шин-Банзуи-Ин.

Внезапно его внимание было привлечено двумя новыми могилами, расположенными рядом друг с другом, в задней части храма. Одна из них была обычной могилой, какую могли бы возвести для человека среднего ранга: другая была большим и красивым памятником; и перед ней висел красивый пионовый фонарь, который возможно был оставлен там на время Праздника Мёртвых. Шинзабуро вспомнил, что пионовый фонарь, который несла О-Йоун, был точно

таким же; и совпадение показалось ему очень странным. Он снова взглянул на могилы; но могилы ничего не говорили. Ни на одной из них не было написано имени человека только буддистское имя каймио или посмертное его наречение. Затем он решил поискать информацию в храме. Аколит^[38] утверждал в ответ на его вопросы, что большая могила была недавно возведена для дочери Ииджима Хейзаймон, хатамото Ушигом; и что небольшая могила рядом с ней была могилой её служанки О-Йоун, которая умерла от горя сразу после похорон молодой госпожи.

Тут сразу же в памяти Шинзабуро возникли слова О-Йоун с иным и зловещим смыслом: «Мы ушли и нашли очень маленький домик в Янакано Сасаки. Сейчас там мы просто можем жить выполняя некоторую частную работу.» Это был на самом деле очень маленький домик и в Янакано-Сасаки. Но... «небольшую частную работу»?

Объятый ужасом самурай поспешил как можно скорее к дому Юсай и попросил его совета и помощи. Но Юсай заявил, что не может оказать какой-либо помощи в данном случае. Все, что он мог бы сделать, – это послать Шинзабуро к первосвященнику Риосеки из храма Шин-Банзуи-Ин с письмом с просьбой о незамедлительной религиозной помощи.

VII

Первосвященник Риосеки был учёным и праведником. Духовным оком он мог увидеть тайну любой печали и суть кармы, которая породила её. Он спокойно выслушал историю Шинзабуро и сказал ему:

– Сейчас вам угрожает очень большая опасность из-за ошибки, совершенной в одном из ваших предыдущих рождений. Карма, связывающая вас с умершими, очень сильна; но если бы я попытался объяснить её характер, вы бы всё равно не поняли. Поэтому я расскажу вам только следующее что умершая не хочет нанести вам какихлибо повреждений из ненависти, не чувствует к вам вражды: наоборот, она находится под влиянием самой страстной привязанности к вам. Возможно, девушка была влюблена в вас задолго до вашей настоящей жизни за не менее чем три или четыре прошлых жизни; и по всей

вероятности, несмотря на то, что она неизбежно меняла форму и условия жизни при каждом последующем рождении, она не могла перестать преследовать вас.

Поэтому будет не так-то просто избежать её влияния. Но теперь я собираюсь одолжить вам этот мощный *мамори*^[39]. Это изображение Будды из чистого золота, которого называют Татхагата Звучащий-как-Море-Каи-Он-Ниорай так как его проповедь Закона звучит в мире как звук моря. И это небольшое изображение особенно сильно как амулет *ширио-йоук*^[40], который защищает живых от умерших. Его ты должен носить в оболочке, близко к телу под поясом. Кроме того, я буду проводить в храме, *сегаки* – службу^[41] за упокоение беспокойных душ. И вот тебе ещё священная сутра, называемая Убо-Дарани-Кио или «Сутра Сыплющихся Дождём Сокровищ»^[42] – ты должен повторять её каждую ночь в своём доме неукоснительно! Кроме того, я дам вам этот пакет о-фуда^[43]; – вы должны вставить один из них поверх каждого отверстия в вашем доме независимо от его величины. Если вы сделаете это, сила священных текстов не позволит умершим проходить. Но что бы ни случилось не переставайте повторять сутру.

Шинзабуро скромно поблагодарил первосвященника; и затем, взяв с собой изображение, сутру и стопку священных текстов, он поспешил к своему дому, чтобы прийти туда до захода солнца.

Благодаря совету и помощи Юсая, молодой Шинзабуро смог до наступления темноты зафиксировать священные тексты над всеми пролётами своего жилища. Затем старый нинсоми возвратился в собственный дом оставив юношу одного. Наступила тёплая и спокойная ночь. Шинзабуро плотно закрыл двери, повязал драгоценный амулет вокруг своей талии, установил сетку от насекомых и при свете ночника начал читать сутру «Убо-Дарани-Кио». Долгое время он читал слова, едва понимая их значение; – затем он попытался отдохнуть. Но его ум был всё ещё слишком встревожен странными событиями дня. Было уже далеко за полночь; а сон к нему никак не приходил. Наконец он услышал звон большого храмового колокола Дентсу-Ин, который пробил восемь часов.^[44]

Звон прекратился; и Шинзабуро вдруг услышал звук гета, приближающихся с обычной стороны, – но на этот раз более медленно: – *каран-корон, каран-корон!* Тут на его лбу проступил холодный пот. Поспешно открыв сутру дрожащей рукой, он начал

снова читать её вслух. Шаги раздавались всё ближе и ближе достигли живой изгороди и остановились! Затем, как это ни странно, Шинзабуро чувствовал себя неспособным оставаться под комариной сеткой: что-то, сильнее даже чем его страх, заставило его взглянуть; и вместо того, чтобы продолжать читать УбоДарани-Кио он сдуру бросился к ставням и через трещину выглянул в ночь. Перед домом он увидел О-Тсую и О-Йоун с пионовым фонарём; и обе смотрели на буддистские тексты, поставленные над входом. Никогда прежде – даже в то время, когда она была жива, О-Тсую не казалась такой красивой; и Шинзабуро почувствовал, что его сердце тянется к ней с почти непреодолимой силой. Но страх смерти и ужас пред лицом неизвестного сковал его; и тогда внутри него началась такая борьба между любовью и страхом, что он стал испытывать в душе все муки ада Шо-нецу^[45].

Вскоре он услышал голос служанки, которая говорила:

– Моя дорогая госпожа, войти невозможно. В сердце Хагивара Сама, должно быть, произошла перемена. Так как обещание, которое он дал прошлой ночью, нарушено; и двери плотно закрыты, чтобы мы не могли зайти. Сегодня мы не сможем войти. Для вас будет более разумно не думать больше о нём, так как его чувство к вам определенно изменилось. Очевидно, он не хочет больше видеть вас. Поэтому будет лучше не доставлять себе лишних хлопот ради человека со столь злым сердцем».

Но девушка ответила, плача:

– О, подумать только! это произошло после обещаний, которые мы дали друг другу!.. Мне часто говорили, что сердце мужчины меняется столь же быстро, как небо осенью; – тем не менее, сердце Хагивара Сама не может быть таким жестоким, чтобы он действительно намеревался выгнать меня из своего дома таким образом!.. Дорогая Йоун, пожалуйста, отыщи способ, чтобы я попала к нему. Если ты не сделаешь этого, я никогда, никогда не вернусь домой!

Так она продолжила умолять, закрывая своё лицо длинными рукавами и выглядела очень красивой и трогательной; но страх смерти сковал её возлюбленного.

О-Йоун наконец ответила.

– Моя дорогая юная госпожа, почему вы беспокоитесь о человеке, который оказался столь жестоким по отношению к вам?... Ну так

давайте посмотрим, заперты ли задние двери: пойдёмте со мной!

И взяв О-Тсую за руку, она увела её вглубь дома; – и эти двое исчезли так же неожиданно, как исчезает свет, когда порывом ветра задувает пламя лампы.

IX

Ночь за ночью тени появлялись в Час Быка; и каждую ночь Шинзабуро слышал плач О-Тсую. Однако он считал себя спасённым едва ли предполагая, что его судьба была уже определена характером его подчинённых.

Томозо пообещал Юсаю никогда больше не разговаривать с кем-либо другим даже со своей супругой О-Майн о странных событиях, происходящих в хозяйском доме. Но в скором времени и его начали мучить привидения, которым которые не могли найти покой. Ночь за ночью О-Йоун входила в жилище Томозо, поднимала его ото сна и просила его убрать *о-фуда*, помещенное на одно очень маленькое окошко в задней части дома хозяина. И Томозо из страха, как часто бывает, пообещал ей забрать это *о-фуда* до следующего заката; но никогда к концу дня он не решался убрать его полагая, что Шинзабуро из-за этого грозит зло. Наконец в ночь, когда разыгралась буря, О-

Йоун разбудила слугу от сна криком упрёка, наклонилась над его подушкой и пригрозила ему:

– Берегись! Ты относишься к нам несерьёзно! Если завтра к ночи ты не уберешь этот текст, ты узнаешь, как я могу ненавидеть!

И она сделала такое страшное лицо при этих словах, что Томозо чуть не умер от ужаса.

О-Майн, жена Томозо, никогда до этого часа не знала об этих визитах: даже её мужу они казались дурным сном. Но в эту особенную ночь случилось так, что, неожиданно проснувшись, она услышала голос женщины, разговаривающей с Томозо. Почти в тот же миг разговор прекратился; и когда О-Майн оглянулась вокруг, она увидела при свете ночника только своего мужа он весь дрожал и побледнел от страха. Незнакомка ушла; двери были плотно закрыты: проникновение чужака в дом казалось невозможным. Тем не менее, это пробудило ревность жены; и она начала бранить и задавать Томозо вопросы таким

образом, что он посчитал себя обязанным всё рассказать и разъяснить ужасную дилемму, перед которой он был поставлен.

Затем упреки О-Майн сменились удивлением и тревогой; но она была умной женщиной и она сразу же соорудила план по спасению своего мужа при помощи жертвы своего хозяина. И она дала Томозо хитрый совет она подсказала ему заключить договор с умершими.

Они явились снова на следующую ночь в Час Быка; и О-Майн спряталась, услышав звук их шагов каран-корон, каран-корон! Но Томозо вышел, чтобы встретить их в темноте и даже нашёл смелость сказать им, что его жена научила его сказать:

«Правда, мои славные госпожи, я и впрямь заслуживаю вашего упрека; – но я не желаю злить вас. Причина, по которой о-фуда не была убрана, – это то, что моя жена и я можем хоть как-то сносно жить только при помощи почтеннейшего нашего господина Хагивара Сама и потому мы не можем предавать его какой-либо опасности, не навлекая тем самым на себя беду. Но если мы смогли бы получить хоть какую-то небольшую сумму, хотя бы сто рио золотом, мы смогли бы сделать вам что-нибудь приятное, так как тогда нам уже не нужна будет чья-либо помощь. Следовательно, если вы дадите нам сотню рио, я могу забрать эту о-фуда, не страшась потерять наше единственное средство к существованию».

Когда он произнёс эти слова, О-Йоун и О-Тсую молча посмотрели друг на друга с минуту. Затем О-Йоун сказала:

– Госпожа, я говорила вам, что неправильно было беспокоить этого человека так как мы не имеем веской причины желать ему зла. Но определенно бесполезно беспокоиться за Хагивара Сама, так как его сердце изменилось в отношении вас. А сейчас ещё раз, моя дорогая молодая госпожа, позвольте мне попросить вас не думать больше о нём!

Но О-Тсую, плача, ответила:

– Дорогая Йоун, что бы ни случилось, я не могу не думать о нём! Ты же знаешь, что способна заполучить сто рио, чтобы убрать эту о-фуда... Только ещё раз, я прошу тебя, дорогая Йоун! только ещё раз позволь мне встретиться лично с Хагивара Сама я умоляю тебя!

И закрывая своё лицо рукавом, она продолжила просить.

– О, зачем вы просите меня делать эти вещи? – отвечала ей преданная О-Йоун. – Вы прекрасно знаете, что у меня нет денег. Но

поскольку вы настаиваете на этой своей причуде, несмотря на всё то, что я могу сказать, я полагаю, что я должна попытаться найти деньги каким-либо образом и принести их сюда завтра ночью. – Затем, поворачиваясь к неверующему Томозо, она сказала: – Томозо, я должна сказать вам, что Хагивара Сама сейчас носит на своём теле мамори, названное именем Каи-От-Ниорай и что пока он носит его, мы не сможем подойти к нему. Поэтому вы должны снять с него это мамори, тем или иным образом, а также убрать о-фуда».

Томозо ответил едва слышным голосом:

– Я тоже могу сделать это, если вы пообещаете мне сотню рио.

– Ну, госпожа, – сказала О-Йоун, – вы подождёте до завтрашнего вечера, не так ли?

– О дорогая Йоун! – зарыдала та, – мы и сегодня ночью снова должны вернуться, так и не увидев Хагивара Сама? Ах, как это жестоко!

И тень плачущей госпожи была уведена тенью служанки.

Х

Наступил другой день, за ним пришла ночь и с ней пришли умершие. Но на сей раз вне дома Хагивара не было слышно каких-либо стенаний, так как вероломный слуга нашёл своё вознаграждение в Час Быка и убрал о-фуда. Кроме того, он смог украсть, пока его господин был в ванной, золотой мамори из оклада и заменить его на медное изображение; и закопать Каи-Он-Ниорай в пустынном поле. Так, ничто не мешало пришельцам с того света проникнуть внутрь дома. Закрыв лица рукавами, они встали и пробрались, как струя пара, в маленькое оконце, над которым ещё недавно висел священный текст. Но что случилось после этого в доме Томозо никогда не узнал.

Солнце было уже высоко, когда он попытался снова подойти к дому своего хозяина и постучаться в раздвижные дверцы. Впервые за много лет он не получил никакого ответа; и тишина насторожила его. Он постучался ещё раз и не получил никакого ответа. Затем, при помощи О-Майн, ему удалось пробраться внутрь и пройти одному в спальню, где он снова постучал в дверь и снова не получил никакого ответа. Он отодвинул грохочущие ставни, чтобы впустить свет; но в доме попрежнему стояла тишина. Наконец он осмелился поднять уголок сетки от насекомых. Но не успел он взглянуть вниз, как с криком ужаса выбежал из дома.

Шинзабуро был мёртв мёртв самым ужасным образом; и его лицо отражало самую кошмарную агонию предсмертного страха; а рядом с ним в кровати лежал скелет женщины! И руки её крепко сжимали его шею.

XI

Предсказатель Хакуодо Юсай пошёл посмотреть на труп по просьбе неверного Томозо. Старик был испуган и удивлен при виде этой сцены, но внимательно осмотрел комнату. Вскоре он увидел, что о-фуда был взят с маленького окна в глубине дома; и пока он искал тело Шинзабуро, то обнаружил, что и золотой мамори был вынут из оклада и вместо него поставлено медное изображение Фудо. Он заподозрил Томозо в краже; но всё происшествие было столь необычным, что он решил, что сперва было бы неплохо посоветоваться со священником Риосеки, а уж потом предпринимать что-либо. Поэтому после тщательного осмотра жилища, он направился к храму ШинБанзуи-Ин так быстро, как только ему позволял его почтенный возраст.

Риосеки же, едва увидел старика и не дожидаясь его слов о цели визита, сразу пригласил его в свои частные апартаменты.

– Вы знаете, что здесь вам всегда рады, – сказал Риосеки. – Пожалуйста, присаживайтесь поудобнее. Я с прискорбием узнал, что Хагивара Сама мёртв.

Юсай с удивлением воскликнул:

– Да, он мёртв; но как вы узнали об этом?

Священник ответил: -

– Хагивара Сама страдал от последствий своей плохой кармы; и его слуга оказался очень плохим человеком. То, что случилось с Хагивара Сама, было неизбежно; его судьба была решена задолго до его последнего рождения. Для вас же будет лучше не беспокоить себя мыслями об этом происшествии.

Юсай сказал:

– Я слышал, что священник, живущей праведной жизнью, может обрести способность видеть будущее на сотни лет вперед; но, признаться честно, получил доказательство такой способности впервые в моей жизни. Однако, существует ещё один вопрос, о котором я очень беспокоюсь.

– Вы говорите, – перебил его Риосеки, – о краже священного мамори, Каи-Он-Ниорай. Но вы не должны беспокоиться об этом. Образ был закопан на пустоши; но его найдут там и вернут мне в течение восьмого месяца наступающего года. Поэтому прошу не тревожиться более об этом.

Всё более удивлённый, старый нинсоми попытался высказаться:

– Я изучал Инь-Ян^[46] и науку предсказаний; и я зарабатываю на жизнь, предсказывая людям судьбу; но сам я не могу понять, откуда вы знаете эти вещи.

Риосеки ответил серьёзно:

«Не спрашивайте, как я узнал о них. Сейчас я хочу поговорить с вами о похоронах Хагивара. Дом Хагивара несомненно имеет своё семейное кладбище; но похоронить его там будет неуместно. Он должен быть похоронен рядом с О-Тсую, госпожой Ииджима; так как его кармические отношения к ней были очень глубокими. И правильно было бы вам воздвигнуть для него памятник за ваш счёт, так как вы были в долгу перед ним за многие милости с его стороны.

Таким образом и случилось, что Шинзабуро был похоронен рядом с О-Тсую на кладбище Шин-Банзуи-Ин в Янака-но-Сасаки.

Так заканчивается история привидений в «Романе о Пионовом Фонаре». -

* * *

Мой друг спросил меня, заинтересовала ли меня эта история; и я ответил ему, что я хотел бы пойти на кладбище Шин-Банзуи-Ин чтобы более определенно реализовать местный колорит авторских изысканий.

– Я пойду с тобой, если ты не против, – сказал он. – Но что ты подумал о персонажах?

– Для западного человека, – ответил я, – Шинзабуро на редкость подлый человек. Я мысленно сравнивал его с верными любовниками нашей старой балладной литературы. Они были бы только рады последовать за мёртвой возлюбленной в могилу; но, кроме того, будучи христианами, они посчитали бы, что у них есть только одна человеческая жизнь, чтобы прожить её в этом мире. Но Шинзабуро

был буддистом с миллионом прошлых и миллионом будущих жизней; и потому он был слишком эгоистичным, чтобы прекращать даже одно жалкое существование ради девушки, которая вернулась к нему из царства мёртвых. Кроме того, он был даже более трусливым, чем эгоистичным. По рождению и воспитанию он был самураем, но ему пришлось просить священника спасти его от привидений. Он показал себя презренным во всех отношениях человеком; и О-Тсую поступила правильно, когда задушила его.

– С точки зрения японца, – ответил мой друг, – Шинзабуро тоже достаточно презренный человек. Но использование этого слабого характера помогло автору развить истории, которые вероятно в противном случае нельзя было бы так эффективно контролировать. По моему мнению, единственный привлекательный персонаж в этой истории О-Йоун: тип старомодного верного и любящего слуги умного, проницательного, изобретательного верного не только до, но и после смерти... Итак, давайте пройдем в Шин-БанзуиИн.

Мы нашли храм неинтересным, а кладбище отвратительным покинутым местом. Участки, занятые некогда могилами, были превращены в огороды, где рос картофель. Между могил стояли покосившиеся надгробья, надписи на которых невозможно было прочитать из-за мха, покрывающего камни, пустые постаменты, разрушенные резервуары для воды, статуи Будды без голов или рук. Недавние дожди пропитали чёрную почву оставляя тут и там небольшие лужи грязи, вокруг которых прыгали тучи мелких лягушек. Всё, за исключением борозд с картофелем, казалось заброшенным уже долгие годы. Под навесом прямо внутри ворот мы увидели женщину, которая что-то готовила; и мой спутник осмелился спросить её, известно ли ей что-либо о могилах, описанных в Романе о Пионовом Фонаре.

– А! Могилы О-Тсую и О-Йоун? – ответила она, улыбаясь. – Вы найдете их в конце первого ряда сзади храма рядом со статуей Джизо.

Сюрпризы такого рода я встречал ещё коегде в Японии.

Мы прошли между дождевых луж и между зелеными зарослями молодого картофеля чьи корни несомненно питались от земли, в которой лежали много других О-Тсую и О-Йоун – мы дошли наконец до двух покрытых мхом могил, надписи на которых были почти

стёрты. Около большой могилы была статуя Джизо со сломанным носом.

– Буквы не так-то легко разобрать, – сказал мой друг но подожди!..

Он вытащил из рукава лист мягкой белой бумаги, наложил его на надпись и начал тереть бумагу куском глины. Пока он делал так, буквы проявились белым на потемневшей поверхности.

«Одиннадцатый день, третий месяц Крыса, Старший Брат, Огонь – Шестой год Гореки^[47]... – прочитал он. – Это похоже на могилу владельца гостиницы Недзу по имени Кичибей. Давайте посмотрим, что есть на другом памятнике.

– При помощи чистого листа бумаги он вскоре перенес текст каймио и прочитал: – «Эн-мио-Ин, Хо-йо-И-тей-кен-ши, Хо-ни: Монах по закону, Блистательный, Чистый сердцем и душой, прославленный по закону живущий в Доме Молитвы о Чуде»... Могила некоего буддистского монаха.

– Чистое надувательство! – воскликнул я.

– Эта женщина лишь посмеялась над нами.

– А вот сейчас, – возразил мой друг, – ты явно несправедлив к этой женщине! Ты ведь пришёл сюда, так как захотел заполучить сенсацию; и она хорошенько постаралась, чтобы удивить тебя. Ты ведь не веришь, что вся эта история про привидения это правда, не так ли?

Демоны и духи в японской традиции 48

Вера в привидения, демонов и духов уходит корнями глубоко в историю японского фольклора. Она переплетается с мифологией и суевериями, взятыми из японского синтоизма, а также буддизма и даосизма, привнесенного в Японию из Китая и Индии. Истории и легенды в сочетании с мифологией собирались на протяжении многих лет различными культурами мира, как прошлого, так и настоящего. Фольклор развивался для объяснения или рационализации различных природных событий. Необъяснимые явления вызывали страх у человека, поскольку их невозможно было предугадать или проникнуть в суть их происхождения.

Тайна смерти – явление, которое не даёт рационального объяснения различным культурам. Смерть вторгается в жизнь человека. Смерть – изменение из одного состояния в другое, воссоединение тела с землёй, души и духа. Люди на протяжении веков редко могли поверить в или понять, что смерть – это конец. Поэтому сказания и легенды строились вокруг духов умерших.

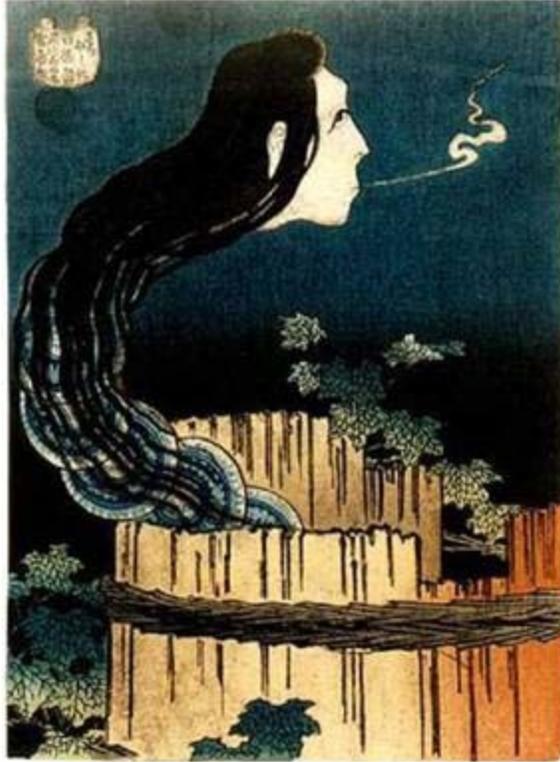
Японцы верят, что они окружены духами всё время. Согласно японской религии синто, после смерти человек становится духом, иногда божеством.

Японская гравюра нач. XIX в. к книге Китагавы Утамото (1754–1806) «100 историй о демонах и духах»

Полагают, что на небесах и на земле живут восемь миллионов богов – горы, леса, моря и сам воздух, который мы вдыхаем. Традиции говорят нам, что эти божества имеют две души: одну слабую (ниги-ти-тама), а другую сильную (арами-тама).

Буддизм, введенный в Японию в VI веке н. э., расширил масштаб верований в духов и другие сверхъестественные силы. Буддистское верование в мир живых, мир мёртвых и «Чистую Землю»^[49] Будды» (Йодо) приобрело новое значение. Образ поведения человека в течение жизни определял, куда он отправится: в царство мёртвых или в «Чистую Землю». Те, кто отправляются в преисподнюю, считают его адом во всей своей отвратительности.

Кацашика Хокусай (1760–1849) «Дом плит». Японская гравюра из серии «Сто историй...»

Японцы считают, что после смерти дух преисполнен гнева и нечист.

Многие ритуалы исполняются в течение семи лет для очищения и успокоения души. Таким образом, человек становится духом.

Согласно легенде, дух блуждает между землей живых и царством теней. Поэтому молитвы предлагаются для обеспечения перехода в Землю Мёртвых.

Привидения (Юреи)

Если душа мёртвого не очищена, она может вернуться на землю живых в облике привидения. Также если умерший при помощи молитвы не очищен от личных эмоций, таких как ревность, зависть или гнев, дух умершего может возвратиться в виде привидения. Привидение является в то место, где раньше жил человек, и

преследует ответственных за свою горькую судьбу. Привидение будет являться до тех пор, пока оно не будет освобождено от страдания при содействии живого человека, который должен молиться за то, чтобы душа умершего вознеслась на небеса.

В течение эры Хейян (794–1185 гг.) полагали, что духи умерших витали над живыми, вызывая у них болезни, мор и голод. В эре Камакура (1185–1333 гг.) это верование усилилось, что духи превращались в небольших животных, таких как еноты и лисы, которые сбивали людей с пути. Предметы домашнего хозяйства более ста лет, могли бы стать божествами в период Муромачи (1336–1573 гг.). Считалось, что эти древние предметы обладают особыми свойствами – поэтому с ними обращались с заботой и уважением.

Деспотический феодальный режим, преобладавший в течение периода Эдо, в сочетании с природными катаклизмами, происходившими в то время, послужил появлению новых легенд о злых и мстительных духах и привидениях. В конце эры Эдо принимались указы, запрещающие показ театральных представлений с пугающими привидениями из-за страха подрыва авторитета правительства.

Рокурокуби (долгошеий демон) Старинная японская гравюра

А в периоды Момояма (1573–1600 гг.) и Эдо (1603–1868 гг.) считалось, что если человек умер от болезни или во время эпидемии, он превращается в ужасного демона.

В основном созданиями в легендах о неуспокоившихся душах были женщины. Это были мстительные духи и чем больше страданий женщина претерпела в течение своей жизни, тем более угрожающим был её дух после её смерти. Жестокость по отношению к женщинам – повторяющаяся тема в японских преданиях и легендах.

Истории про привидений ставили на сцене кукольных театров в начале 1700-ых гг... Истории про привидений тогда начали ставить в различных театрах, в том числе в театре Сумизу в Осака и в театре Накамура-за в Эдо.

Мстительные духи стали центральной темой в театре Кабуки в конце 18-го века. Убийство ставили на сцене со всеми вопиющими деталями и женские духи изображались чётко. Сцены насилия и кровопролития были шокирующими и были направлены на то, чтобы вызвать подозрение и страх. К удивлению, эти пьесы были достаточно популярными и художники принтов репродуцировали множество сцен из подобных спектаклей Кабуки. Пример такой темы – в одной из пьес, поставленных в театре Кабуки, называемой «Скала, которая плачет ночью».

«В Токайдо, на дороге между Токио и Киото, есть знаменитая скала, известная как «Скала, которая плачет ночью». Предание рассказывает о беременной женщине, путешествующей по этой дороге ночью, чтобы встретить своего мужа. К ней пристали бандиты и она была зверски убита. Её кровь пролилась на скалу, которая стала место обитания её духа. По легенде скала плачет по ночам».^[50]

Дух Кохада Кохейджи Японские демоны

Демоны в японском фольклоре блуждают между живыми и мёртвыми. Иногда демоны совершают добрые поступки в мире, а иногда они несут разрушение. Демоны обладают сверхъестественными способностями; но они также обладают магической способностью влиять на природные явления. По японской легенде некоторые демоны являются причиной всех катастроф, природных или от рук человека.

Японские демоны – не вполне представляют собой зло, они также хитрецы, которые любят злые шутки. И в течение периода Эдо они

начали изображать демонов с юмором, особенно в фигурах нэцке^[51]. Это был способ, по которому люди приравнивались к демонам высших классов; также это был способ посмеяться над деспотическим феодальным правлением. Церемонии, известные как «Они-Яри» или «Тсуина», проводятся для изгнания демонов. Эти ритуалы, как правило, проводятся в последнюю ночь года в императорском дворце: ритуал состоит из народа, разбрасывающего жареные соевые бобы в четырёх направлениях и выкрикивающего: «Удача, приходи, зло уходи!» Страх боли вызывает изгнание демонов.

В японском фольклоре также есть сказания о сверхъестественных существах, называемых «Они» (Oni). Художники изображают этих демонов с рогами и в тигровых шкурах. У них нет шеи, но есть грива волос и большой рот; на их пальцах

– когти, их руки подняты до плеч. Эти художественные изображения демонов не только олицетворяют сверхъестественное, но также воплощают тёмные стороны человеческой природы. Земля «Они», по буддистской легенде, ответственна за болезни и эпидемии (они одеты в красное). «Они» из ада (красные или зелёные тела) охотятся на грешников и забирают их на колеснице к ЭммаХоо, богу ада. Существуют невидимые демоны среди «Они», чьё присутствие может быть определено, потому как они поют или свистят. «Они» женского пола – это те люди, которые превратились в демонов после смерти из-за ревности или сильной печали.

Буддистские демоны «Они» не всегда олицетворяли силы зла. В буддистской традиции есть сказания о монахах, которые после смерти стали «Они», чтобы защищать храмы от возможных катастроф. Вера в «Они» достигла своего зенита в XVIII и XIX веках.

Ещё один известный демон в японском фольклоре – «Тенгу», мифологическое существо, живущее в горных лесах. «Тенгу» художественно описываются как бородатые коротышки или как существа с большими рябыми носами. Согласно легенде любой, входящий на территорию «Тенгу», непреднамеренно может попасть в странные и неприятные ситуации. «Тенгу» могут молниеносно превращаться в уродливых маленьких человечков, женщин и детей; затем они зло разыгрывают людей всякими неприятными шутками. Они исчезают так же быстро, как и появляются. В некоторых древних легендах «Тенгу» описываются как существа войны и конфликта.

Иногда их проказы в легендах лицемерны. Художники изображали их с птичьей головой на человеческом теле с расправленными крыльями и лапами с когтями. До XIV века о «Тенгу» ходили недобрые легенды; но постепенно они стали как хорошими, так и плохими сущностями. О всеобъемлющем зле «Тенгу» было рассказано множество легенд. В буддизме они стали проводниками для монахов в понимании основных положений и священных текстов дхарма, а также защищали буддистские храмы. В XVIII и XIX веках их считали горными божествами – ним подносили жертвоприношения. Резчики по дереву и охотники приносили жертвоприношения божествам «Тенгу» для привлечения успеха в их работе.

Те, кто были менее уважаемы, оказывались в различного рода неприятностях. Вера в «Тенгу» продолжалась до начала XX века. Сегодня в их честь проводят церемониальные праздники. В современной Японии до сих пор рассказывают о них легенды. В некоторых районах гравёры до сих пор предлагают «тенгу» рисовые пирожные перед тем, как начать свою работу.

Животные, наделенные сверхъестественной силой

По легенде некоторые животные созданы наделенными сверхъестественной силой. Они могут превращаться по желанию в кого угодно и даже приобретать при этом другие магические способности. Японский енот (тануки) и лиса (китсуне) – самые популярные животные, наделенные магическими способностями. Они имеют подобные роли в фольклоре. Они изображаются как шаловливые шутники, часто попадающие в неприятности. Временами они могут быть пугающими, но в другой момент способными сделать негативную ситуацию позитивной. Иногда их считают божественными существами и они могут стать культурными героями. «Тануки» иногда изображают в виде ведьмы, монаха-людоеда или одноглазого демона, который убивает своих жертв громом, молнией или землетрясениями.

«Тануки» – небольшое лохматое животное, которое по поверьям может превращаться в пугающее существо. Иногда его изображают юмористически с огромной мошонкой, которую он волочёт за собой или носит её как кимоно. В некоторых фигурах нэцкэ «тануки» предстаёт в виде буддистского монаха, облаченного в робу и ударяющего по своей мошонке, как если бы это был храмовый барабан. «Существует легенда, которая рассказывает нам о случае,

произошедшем с настоятелем храма Моринджи. Он купил чайник для кипячения воды и наказал одному из монахов почистить его. Вдруг из чайника раздался голос: «Ох и больно мне, пожалуйста, аккуратнее». Когда настоятель храма захотел вскипятить воду, из чайника показался хвост, ноги и руки «тануки» и домашняя утварь начала бегать по комнате. Бедный аббат был потрясен и он попытался поймать чайник, но он не давался ему в руки».

Лиса (*kitsune* – *китсуне*) – часто встречается среди статуэток нэцкэ. Лисе приписывают многие странные и необыкновенные качества. «Китсуне» имеют способность изменять форму, но их мордочка остаётся лисьей. В фольклоре лисы притворяются людьми, чтобы ввести людей в заблуждение.

Чёрная лиса – удача, белая лиса – беда; три лисы вместе предвещают катастрофу. Буддистская легенда рассказывает о «китсуне», которые переодеваются монахами и носят традиционные одежды (изображённые в фигурах нэцкэ). Легенды гласят, как лиса любит появляться в виде женщины. По преданиям, когда «китсуне» появляется в таком виде, она принимается за проделки и вводит мужчин в соблазн. Когда соблазненный понимает истинную сущность их предполагаемой любви, лиса исчезает. Легенды рассказывают, как «китсуне» может загипнотизировать человека, в результате чего он оказывается в опасной ситуации. Для этого по преданиям они освещают тропинку, ведущую к таким катастрофам, и это освещение известно как «сияние лисы» (*китсуне би*).

Драконы и змеи

В японском фольклоре существуют сказания, в которых рассказывается о змеях и драконах, наделенных сверхъестественными способностями. В древности японцы верили в бога – змея «Орочи», который жил на самой вершине гор. Буддистская религия рассказывала о «Рию», который управлял облаками, дождём и водой. Был дракон «Яша», один из богов-демонов, который защищал буддизм. Все эти божества имеют широкие рты, острые клыки, наточенные рога и всевидящие глаза.

В японском фольклоре существуют сказания о людях, которые превращались в змей после смерти из-за своего злого поведения и их жалких привычек. Человек становится змеем, потому что его желания в жизни не удовлетворены. Женщина-змея предстаёт в виде привлекательной женщины, которая выходит замуж за человека: если она будет отвергнута своим возлюбленным, её ревность может послужить причиной катастрофы. Женщины часто ассоциируются со змеями из-за легенд, ходящих о их жестокости и ревности по отношению к своим возлюбленным. Дети, рожденные в результате союза змеи и человека, могут предстать либо змеями, либо человеком с змееподобными качествами. Они появляются во снах своей семьи и друзей, прося их помолиться за освобождение их душ из их змееподобных тел. Родственник либо читает буддистские сутры, либо повторяет специальные молитвы. Тогда душа спасена и змеиная шкура сброшена. Некоторые люди рождаются заново в обличье змей после смерти, когда у них есть желание мстить за недобрые поступки. Привидение мстителя в японском фольклоре обычно считается героическим. Змеи не всегда считались символами зла, но также и бесконечной любви. «Давным-давно в эру Кейчо жила была прекрасная девушка в Сенью в провинции Мусаши. Холостяк по имени Йачиро влюбился в неё и отправлял ей множество любовных посланий; но она не отвечала. Йачиро умер от печали и девушка вышла замуж за другого. На утро после свадьбы пара не вышла из комнаты. Когда мать невесты зашла в комнату, она обнаружила, что жених мёртв, а из глаза невесты выползала змея. Жители деревни считали, что змея была никем иным, как несчастным влюблённым Йачиро».

Змеи и драконы также ассоциировались с природой. Природные катастрофы, особенно наводнения, связаны с ними. Считается, что после бурь они выползают из своих нор и выходят наружу. Поэтому их считают творцами бурь и теми, кто окружает водами – как контролирующими воды, так и дающими воды. В японской мифологии существуют четыре вида драконов: небесные драконы, которые сторожат дворец богов, духовные драконы, которые приносят благословенный дождь, земными драконами, которые определяют течение рек, и драконы, которые сторожат все земные сокровища. На многих полотнах художники изображают дракона как властелина вод, океана и дождя.

Бессмертные и герои

Понятие бессмертия, о котором говорится в японском фольклоре, взято из китайского даосизма на основе идей философа Лао-Шзы в IV веке до н. э. Хотя даосизм никогда не был официальной религией в Японии, даосизм присутствует в их литературе и искусстве. Достигшие бессмертия могли летать, ходить по облакам и проходить через воду невредимыми. Они считались блюстителями даосизма и защитниками человечества. Персик^[52] – символ бессмертия и многие фигуры нецкэ изображены с этим фруктом.

Бессмертные также изображены несущими трёхногую лягушку или оседлавшими гигантского карпа^[53] или лошадь. Самые известные из бессмертных – «Сенин», восемь бессмертных даосизма. Они встречаются в искусстве и фигурах нецкэ, выдыхающими свои души вместе с дыханием, носящими одежды даосских мудрецов или несущими тыквы^[54].

Покорение демона – любимая тема в знаменитых сказаниях о доблестных героях. Легенда о «Четырёх самураях Минамото но Йоримитсу», завоевывающих чудовищ и демонов в их цитадели, – излюбленная тема. Ещё одна излюбленная тема – «Воин Ватанабе но Тсуна», сражающийся с Демоницей Рашомон. Ещё один известный борец с демонами – «Шоки», изгоняющий чертей и злых духов. Он был человеком-великаном с огромной силой. «Шоки» обычно

изображаются в искусстве охотящимся слева направо за невидимым демоном. Обычно его изображают красным, так как считается, что этот цвет имеет способность отводить неудачу. В период Кансей (1789–1800 гг.) на домах, в которых живут маленькие дети, вывешивались длинные флаги (нобори). Эти флаги иногда украшались «Шоки», экзорцистом, изгоняющим демонов и злых духов. Сегодня в Японии начали связывать «Шоки» с праздником мальчиков, празднуемым 5 мая. В прошлые периоды этот день считался днём, когда появляются демоны, и злые духи и привидения, приносящие несчастья. Для того чтобы избежать неприятностей в этот день проводили церемонии изгнания этих отвратительных существ.

Сказания и легенды поддерживали эти верования через искусство – в форме рисунков, картин, гравюр, скульптур, орнаментов и изречений. Пьесы на тему привидений и духов до сих пор ставят в театрах Японии. Сцены воссоздают предания и мистицизм духов умерших. Авторы таких пьес сочетают правду и вымысел, насилие и кровопролитие и классическое напряжение между тем, кто страдает, и тем, кто приносит страдания. Эти постановки создают чувство страха и ожидания у зрителей, что доставляет им много удовольствия. Даже сегодня сказки о привидениях, демонах и духах показывают по телевидению и в кино.

Японские Kami

Ками – японское слово для обозначения духов, природных сил или сути в синтоизме. Хотя это слово иногда переводится как «бог» или «божество», некоторые синтоисты спорят, что такой перевод может породить неправильное толкование термина. Широкое использования этого слова может сравниться с санскритским словом Дева и с иудейским Элохим, которые также означают Бога, богов, ангелов или духов.

В некоторых случаях, например, Изанаги-ноМикото и Изанамино-Микото, ками являются персонифицированными божествами, подобными богам древней Греции или Рима. В других случаях, то есть в тех, что касаются явления природной эманации, духи, живущие в деревьях или силы природы, перевод «ками» исключительно как «бог»

или «божество» будет большой неточностью. В этом отношении оно более походит на римскую концепцию нумен или дух.

Ками может по своей сути просто означать «дух» или аспект духовности. Он пишется при помощи иероглифа канджи «ф», китайско-японское чтение син или джин; в китайском символ используется для обозначения различных природных духов традиционной китайской религии, но не даосских божеств или Всевышнего. Очевидно родственная форма, возможно заимствование, возникает в языке Айнэ камуйи означает анимистическую концепцию, очень схожую с японским ками. Следом за открытием Джодай Токушу Каназукай сейчас известно, что средневековое слово ками, означающее «над» ложная родственность с современным ками и этимология «божественных существ», следовательно, неверная. Синтоистские ками расположены в мире, но не над ним. Фактически традиционно люди, типа Императора, могли бы быть ками. Не ощущалось необходимости помещать их вне этого мира. В своём Коджики Мотоори Ногианага дал то, что возможно является самым известным определением ками: «[Ками] какая-либо вещь или явление, которое производит эмоции страха и благоговения без различения добра и зла».

Поскольку японцы, как правило, не различают единственного и множественного числа в существительных, иногда неясно, означает ли ками единственное или множественное число предметов. Когда необходимо использовать единственное число, в качестве суффикса используется «ками» или «-камисама». Часто говорят, что в Японии существует йа-о-йорозу но ками (бесчисленные ками). (иероглиф означает «бесчисленные» вместо «восемь миллионов», так как число восемь часто означает большие количества в японской культуре).

Подобным образом, род также не подразумевается в слове ками, которое может быть использовано для обозначения либо мужчины, либо женщины ками. Слово «мегами», означающее женщину ками, является относительно недавним дополнением к языку и редко, если вообще используется в традиционных источниках.

Ками в синтоизме

Ками – центральные объекты поклонения в синтоизме. Современный синтоизм начался как одно из направлений древней анимистической традиционной духовности Японии, которая стала официально оформленной религией только лишь гораздо позже в результате попыток отделить влияния других религий, привнесенных в Японию из заграницы. В результате природа того, что можно назвать ками очень широка и включает много различных концепций и явлений.

Некоторые из объектов или явлений, названных ками, являются качествами роста, плодородия и производства; природные явления, такие как ветер и гром; природные объекты, такие как солнце, горы, реки, деревья и скалы; некоторые животные; и души предков всех людей.

Существуют другие духи, которые также называются ками. Например, духи-покровители земли, профессий и навыков; духи японских героев, люди выдающихся свершений или достоинств и те, кто внес вклад в развитие цивилизации, культуру и благосостояние человека; те, кто погиб за государство или сообщество; и несчастные умершие. Не только духи, выше человека, могут считаться ками, но также духи, которые считаются несчастными или слабыми считались в синтоизме ками.

Концепция ками была изменена и усовершенствована с древних времен, хотя всё, что считалось ками древними людьми до сих пор считается ками в современном синтоизме. Даже в современном синтоизме не существует чётко определенных критериев того, что следует, а что не следует считать ками. Разница между современным синтоизмом и древними анимистическими религиями в основном состоит в улучшении концепции ками, а не в разнице определений.

В древних анимистических религиях под ками понимали просто божественные силы природы. Верующие в древней Японии глубоко почитали создания природы, которые представляли особую красоту и мощь, такие как водопады, горы, валуны, животные, деревья, травы и даже рис-сырец. Они строго верили, что духи или живущий ками заслуживают уважения.

Хотя древние названия до сих пор соблюдаются, в современном синтоизме многие священники также рассматривают ками как антропоморфные духи с благородством и авторитетом. Они включают такие мифологические фигуры, как Аматерасу Омиками, богиню

солнца в синтоистском пантеоне. Хотя эти Kami могут считаться божествами, они не обязательно должны считаться всемогущими или всеведущими, подобно греческим богам, их личности имели изъяны и были вполне способны на низкие поступки. В мифах Аматерасу, например, она могла видеть события человеческого мира, но должна была использовать ритуалы предсказания для предвидения будущего.

Традиционно Kami имеют две души, одну слабую (ниги-митама) и другую активную (арамитама). Эта мощная форма Kami была также разделена на аматсу-Kami («небесные божества») и кунитсу-Kami («боги земной реальности»). Божество ведёт себя отлично, в соответствии с тем, что душа была под контролем в заданное время. Во многих отношениях это представляло неожиданные изменения природы и объясняло, почему существовали Kami для каждого метеорологического события: снегопада, дождя, тайфунов, наводнений, молний и вулканов.

Предки определенной семьи могут также почитаться как Kami. В этом смысле эти Kami почитались не из-за своих божественных способностей, но из-за определенного качества или свойства. Эти Kami являются региональными и многие алтари (хокора) были построены в их честь. Во многих случаях однажды жившие люди могут, таким образом, быть почитаться как боги; пример этого Тенджин, который при жизни был Сугавара но Мичизане (845–903). В синтоизме полагают, что природа жизни священна, так как Kami начал человеческую жизнь. Однако, мужчина не может воспринять эту божественную природу, созданную Kami, по-своему; следовательно, магокоро, или очищение, необходимо для того, чтобы увидеть божественную природу. Это очищение может быть даровано только Kami. Для удовлетворения Kami и зарабатывания магокоро последователей синтоизма обучали придерживаться четырех синтоистских утверждений.

Первое утверждение придерживаться традиций и семьи. Семья рассматривается как основной механизм, при помощи которого сохраняются традиции. Например, с браками или рождениями, традиции могут практиковаться повторно. Второе утверждение любить природу. Природные объекты почитаются как священные, так как в них живут Kami. Следовательно, быть в контакте с природой означает быть в контакте с богами. Третье утверждение сохранять физическую

чистоту. Последователи синтоизма принимают ванны, моют руки и часто полощут рты. Последнее утверждение практиковать матсури, т. е. почитать и поклоняться ками и духам предков.

Кроме того, последователи синтоизма полагают, что ками те, кто либо шлёт либо благословения, либо проклятия человеку. Синтоисты желают успокоить злых ками и убедить их остаться на их доброй стороне, а также сделать добрым ками приятное. Следовательно, поскольку четыре утверждения ценности, которые синтоисты пытаются практиковать ежедневно, они также носят мамори, чтобы помочь им остаться чистыми и защищенными. Мамори чары, которые не дают злым ками напустить на человека болезнь или беду.

Ками как почитаются, так и заслуживают уважение в синтоизме. Цель жизни синтоистов получить магокоро, чистое искреннее сердце, которое может быть даровано только ками. В результате синтоистов учат, что человек должен почитать как живых, так и неживых, так как оба обладают божественным высшим духом внутри ками.

Церемонии и праздники

Вообще японские церемонии длинны и сложны. В некоторых храмах для их изучения священникам требуется десять лет. Священники традиционно были потомственными. Один храм получал своих священников из одних и тех же четырёх семей на протяжении более сотни поколений. Нередко в духовенство входили священнослужительницы. Священники могут иметь в помощниках мико, молодых незамужних женщин, одетых в белое кимоно. Ни священники, ни священнослужительницы не живут как аскеты; среди них распространены браки и, как правило, от них не ожидается проводить время в молитве. Скорее они считаются специалистами в искусстве поддержания связи между ками и людьми.

Примеры празднований, которые происходят в синтоистских алтарях Новый Год, Осенний Праздник и Ежегодный Праздник. Первый, Новый Год, когда семьи проходят очищение и убирают свои дома в приготовлениях к предстоящему году. Также предкам преподносят пожертвования, чтобы они благословили семью в будущем году. Кроме того, буддистские храмы звонят в гонги 108 раз,

чтобы освободиться от 108 видов страстей. Второй праздник, осенний фестиваль, когда урожай посвящается ками. Осенний Праздник, третий праздник, ежегодный праздник, на котором статуи местных ками проносят вокруг города на микоши, т. е. на стуле. Это празднование ками проходит в алтаре и обычно включает музыку и танцоров.

Поскольку существует множество праздников, которые проходят в храмах, церемонии, такие как обряды посвящения проводятся в храмах. Два примера этих типов церемоний рождение ребёнка и Шичи-Го-Сан. Когда рождается ребёнок, его приносят к алтарю, чтобы он был посвящен в религию и чтобы ками могли благословить его и его будущую жизнь. Шичи-Го-Сан, Семь-Пять-Три, обряд посвящения для пятилетних мальчиков и трёхлетних или семилетних девочек. Это время, когда такие дети лично приносят пожертвования с целью получить защиту ками и помолиться за продолжение здорового роста.

Множество других обрядов посвящения практикуется синтоистами. И основной причиной этих церемоний для синтоистов успокоить ками, чтобы достичь магокоро или чистого искреннего сердца. Получить магокоро можно только через ками. Поэтому церемонии и празднования длинны и сложны, так как они должны быть идеальными для удовлетворения ками. Если ками не доволен этими церемониями, они не дарует синтоисту магокоро.

Наиболее известные ками:

- Аматерасу Омиками, богиня солнца
- Хачиман, бог войны
- Сарутахико Оками, ками земли
- Тсукуйоми, бог луны
- Сусаноо-но-микото, бог моря и бурь
- Инари Оками, бог лис
- Котоаматсуками, первая троица ками
- Изанаги но-Микото, первый человек
- Изанами-но-Микото, первая женщина
- Омоикане, божество мудрости

Примечания

1

Сёгунат Токугава или Эдо бакуфу – феодальное военное правительство Японии, основанное в 1603 г. Токугавой Иэясу и возглавляемое сёгунами из рода Токугава вплоть до 1867 г. (*прим. ред.*).

2

Йеддо – прежнее название г. Токио.

Нитирэн – одна из основных буддийских школ Японии, принадлежащая направлению махаяны. Школа Нитирэн-сю сформировалась в Японии эпохи Камакура; ее создал странствующий монах Нитирэн (1222–1282) на основе учения школы Тэндай. (*прим. ред.*).

Приверженцы религии нитирэн полагали, что во фразе «Наму мёхо ренге кё! – Поклоняюсь Сутре Цветка Лотоса Благой Дхармы»), выражается вся суть учения Нитирэна. (*прим. ред.*).

Столетия спустя имя Комачи или Оно-но-Комачи всё ещё помнят в Японии. Говорят, что она была самой красивой девушкой своего времени и обладала таким редким поэтическим даром, что могла растрогать небо своими стихами и заставить дождь пролиться во время засухи. Многие мужчины напрасно пытались завоевать её сердце; и многие, говорят, умерли за любовь к ней. Но на неё спустились несчастья, когда прошла её молодость; и, будучи в крайней нужде, она стала нищей и вскоре умерла на дороге близ Киото. Поскольку считалось позорным хоронить её в грязных отрепьях, которые были на ней, один бедняк отдал своё слегка поношенное летнее платье (катабира), чтобы завернуть в него тело; и она была погребена близ Арашияма в месте, которое до сих пор указывается туристам как «Местечко Катабира» (Катабира-но-Тсуши). *(прим. автора).*

Императорский дворец (*прим. ред.*).

Фудо – самый популярный из «великих королей», бог огня и мудрости. Он – пятый из небесных опекунов и покровитель астрологии. Призывается перед началом трудных жизненных обстоятельств, таких как войны, эпидемии и бедствия. Защищает также от огня и воровства. Обычно изображается как уродливый старик, объятый огнем, с мечом в правой руке и веревкой, чтобы вязать демонов, в левой руке (*прим. ред.*).

Джизо (Jizō-san) – японский и буддийский бог путешествий, который помогает путешественникам, паломникам и всем тем, кто находится в «переходном» состоянии. Вера в Джизо зародилась в Индии и Тибете, но свою популярность приобрела в Китае, Корее и особенно в Японии (прим. ред.).

Кваннон (Каннон) – в японской мифологии, богиня милосердия, способная перевоплощаться. В Китае имеет соответствие в богине-бодхисаттве Гуаньинь. Считалась воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, а также помощником будды Амитабхи. Часто изображается многорукой. Согласно буддийским поверьям, она помогает людям, появляясь в тридцати трёх образах. Существует много рассказов о том, что богиня Каннон в вещем сне посылает счастье молящимся в её храме, но счастье это иногда покупается тяжёлой ценой (прим. ред.).

Амида (Будда Амита́бха от санскр. Amitābha – «безграничный свет») – самая почитаемая фигура в буддийской школе Чистой земли. Считается, что он обладает множеством достойных качеств: поясняет универсальный закон бытия в Западном раю и принимает под своё покровительство всех, искренне взывающих к нему, вне зависимости от их происхождения, положения или добродетелей (прим. ред.).

Кусок благовонной древесины агарового дерева (agarwood) под названием Ranjatai был подарен императором Ко-мио в 756 году крепости Todaiji (город Нара, Япония). Его как святыню хранят в той же крепости, в сокровищнице Shosoin. В настоящее время он принадлежит японской императорской семье. На ежегодной выставке сокровищ Ranjatai выставляют раз в 10–15 лет (прим. ред.).

В 1878 г. (прим. ред.).

«Краткая [или Сокращенная] История Священников».

«Достоинство Соблюдения Правил Благочестивости».

Под шилой понимается соблюдение правил чистоты в действии и в мыслях. Дхьяна (называемая японскими буддистами «Зеньо») – одна из высших форм медитации.

Японское буддийское заклинание, произносимое нараспев.

Девушки до сих пор обучаются искусству составления изысканных букетов, хотя это занятие немного более занудно, чем ча-но-ю. Буддистские священники долгое время имели репутацию учителей последних. Когда ученица достигала определенного уровня совершенства, ей выдавали диплом или сертификат. Чай, используемый в этих церемониях, – это измельчённый чай с восхитительным ароматом – лучшие сорта такого чая продаются по очень высоким ценам (*прим. автора*).

XII в. (*прим. ред.*).

Сёгунат Токугава (Токугава бакуфу или Эдо бакуфу) – феодальное военное правительство Японии, основанное в 1603 г. Токугавой Иэясу и возглавляемое сёгунами из рода Токугава. Просуществовало более двух с половиной веков вплоть до начала эры Мэйдзи в 1868 г... (прим. ред.).

Места, занятые гостями в японском зашики, или в гостиной, пронумерованы начиная с ниши квартиры. Место наиболее почётных гостей – сразу перед нишей: это первое место, а остальные нумеруются, начиная с него, как правило, справа налево.

Даймио – феодальная знать в Японии, в руках которой до переворота 1868 г. (т. наз. «революции» Мэйдзи) находилась государственная власть (*прим. ред.*).

Какэмоно – традиционная деталь интерьера японского дома; вертикально висящий свиток из бумаги или шёлка, наклеенный на специальную основу и снабженный по краям деревянными валиками. Может содержать рисунок или быть иероглифическим. Является элементом архитектурного стиля сёин-дзукури, сложившегося в Японии в XV – XVI веках. Как правило, свиток помещается вместе с композицией из цветов в специальной нише – токонома, предназначенной для украшения интерьера.

Среди любопытных изобретений Токио в 1898 году был новый вид сигарет, называемый Хангон-со, или «Трава Хангон» – имя, предполагающее, что их дым действует как благовоние, вызывающее духи». На самом деле химическое действие табачного дыма таково, что на фильтре каждой сигареты появляется фотографическое изображение танцующей девушки.

Преты – вечно голодные духи индуистско-буддийской мифологии, пребывающие в пропасти астрального антимира.

Это утверждение относится только к Небесам Чувственной Радости – не к Раю Амиды, и не к тем небесам, в которые попадают путём Призрачного Рождения. Но даже в самой высокой и самой нематериальной зонах существования – в Небесах Бесформенности – прекращение попыток и боли усилия включает наказание в виде перерождения в более низкой форме существования.

Будда Шакьямуни (*прим. автора*).

В Индии это, очевидно, Ананда (*прим. ред.*).

Я рассказываю эту историю по существу так же, как она была рассказана мне; но я не смог сравнить её с каким-либо опубликованным текстом. Мой друг говорит, что он видел две китайские версии – одну в Конгио-кио (?), другую в Зойчи-агон-кио (Екоттарагамас). В буддизме в переводах Генри Кларка Уоррена (самом интересном и ценном одиночном томе подобного рода, который я когда-либо видел) есть бали-версия этой легенды, которая значительно отличается от вышеуказанной. – Этот Нанда, согласно работе Г.К. Уоррена, был принцем и младшим сводным братом Шакьямуни. (*прим. автора.*)

Хатамото были самураями, образовавшими особую военную силу сёгуна. Имя их буквально означает «Держатели Знамени». Это высший класс самураев – они являются не только непосредственными вассалами сёгуна, но и военной аристократией.

Возможно этот разговор может показаться странным западному читателю; но он – правда. Вся сцена является характерно японской. *(прим. автора.)*

Сокращенное «Наму Амида Бутсу!» («Слава Будде Амитабха!») – эти слова японцы повторяют, как молитву, во имя мёртвых.

Комагета в оригинале. Гета – деревянная сандалия или башмак на деревянной подошве, коих существует большое количество – некоторые определенно элегантные. Комагета или «по-ни-гета» называются так из-за звонкого как чечётка эха, раздающегося при их соприкосновении с землей.

Фонари такого вида, о котором здесь идёт речь, больше не производятся; и их форма может быть лучше понята по взгляду на изображение, сопровождающее данный рассказ. Он был совсем не похож на современный домашний фонарь, украшенный гербом владельца; но он был вполне похож на фонари некоторых форм, всё ещё производимые для Праздника Мёртвых и называемые Бон-доро. Украшающие их цветы не были покрашены: это были искусственные цветы из креповой ткани, которые были пришиты к верху фонаря.

«На время семи жизней» – то есть на время семи последовательных жизней. В японской драме и романе часто представлен отец, отвергающий своё дитя «на время семи жизней». Такое отвержение – называется шичи-шо – не путать с мандо, лишения наследства на протяжении семи жизней – означает, что через шесть будущих жизней после настоящей заблуждающийся сын или дочь продолжат чувствовать родительскую немилость.

Профессия ещё не прекратилась. Нинсоми использует особый вид увеличительного стекла (или иногда увеличительного зеркала), которое называют тенганкио или нинсомеган.

Цвет и форма платья, как и стиль причёски – японская традиция, регулируемая в соответствии с возрастом женщины.

Формы речи, используемые самураями и другими высшими классами, значительно отличались от популярных идиом; но эти различия не в состоянии быть эффективно переданы на английском.

Аколит – храмовый служитель.

Японское слово *мамори* (mamori) имеет значения по крайней мере такие же многочисленные, как и значения, приписываемые нашему термину «амулет». Будет невозможно в простой сноске даже описать разнообразие японских религиозных объектов, которым дано имя. В этом случае мамори – очень маленькое изображение, возможно, вставленное в миниатюрный киот, лакированный или металлический, над которым задернуты шелковые шторы. Такие небольшие изображения часто носят самураем на теле. Недавно мне показали миниатюрную фигурку Кваннон в железной оправе, которую носил офицер во время войны Сацума. Он полагал, совершенно обоснованно, что она возможно спасла ему жизнь; так как она остановила пулю, следы которой были чётко заметны.

От слов ширио – «привидение», и йокеру – «исключить». У японцев есть два вида привидений в их фольклоре: духи умерших, ширио; и духи живущих, икирио. Дом или человек могут преследоваться икирио, а также ширио.

Особая служба – сопровождающие подношения пищи и т. д. к тем умершим, у которых нет живых родственников или друзей, которые смогли бы позаботиться о них – таким образом определена. В этом случае, однако, служба будет особого и исключительного вида.

Это японское название очень короткой сутры, переведенной с санскрита на китайский индийским священнослужителем Амогхаваджра, возможно в течение VIII века. Китайский текст содержит транслитерации некоторых мистических слов санскрита – возможно талисманых слов – как те, которые можно увидеть в переводе Керн Саддхарма-Пундарика, глава XXVI.

О-фуда – общее название, которое даётся религиозным текстам, используемым как заклинания или талисманы. Они иногда пропечатываются или выжигаются на дереве, но чаще пишутся или печатаются на узких полосках бумаги. О-фуда вставляются над входами домов, на стенах комнат, на дощечках, помещенных в хозяйственные ящички и т. д. и т. п. Некоторые виды носятся на теле; другие скатываются в таблетки и проглатываются как духовное лекарство. Текст более крупных о-фуда часто сопровождается любопытными изображениями или символическими иллюстрациями.

Согласно старому японскому методу исчисления времени, этот *яцудоки* или восьмой час был таким же, как наши два часа утра. Каждый японский час приравнивался к двум европейским часам, так что в старой Японии существовали только шесть часов вместо наших двенадцати; и эти шесть часов отсчитывались назад по порядку – 9, 8, 7, 6, 5, 4. Таким образом, девятый час соответствовал нашему полудню или полуночи; пол-десятого нашему одному часу; восемь – нашим двум часам дня. Два часа утра, также называемые «Час быка», были японским часом привидений и домовых.

Эн-нецу или Шо-нецу (на санскрите «Тапана») – шестой ад из Восьми Горячих Преисподней японского буддизма. Один день жизни в этом аду равен по продолжительности тысячам (не-которые говорят – миллионам) человеческих лет.

Мужской и Женский принципы Вселенной, Активные и Пассивные Силы Природы. Юсай говорит здесь о старой китайской философии природы – более известной западным читателям как фен-шуй.

1756 гг. до н. э.

Материал взят с сайта <http://asianart.com>.

«Чистая Земля» или рай, установленный Буддой Амида – мистическое место, где существование человека лишено боли, печали, голода и тревоги.

На гравюре Ютагава Кунийоши (1791–1861) мучимое привидение женщины изображено передающим своего младенца своему сыну. История была адаптирована театром Кабуки в Осаке, в котором привидение рассказывает своему мужу о своём подлом убийстве; затем она идёт с мужем отомстить за преступление.

Нэцкэ – небольшая культовая художественная фигурка из бронзы, слоновой кости, керамики, дерева или металла.

Персик (даосист) – Дерево Жизни в Раю Кун Лун. Дарует бессмертие и является пищей даосских бессмертных. Считалось, что персики в небесном саду созревают каждые 3000 лет.

Карп – эмблема самурая как символы мужества и достоинства. Он также символизирует стойкость и удачу.

Тыква в Японии символизирует долгожительство. Дым, поднимающийся из тыквы, – освобождение духа от тела.